

М и л и ц е й с к и й д е т е к т и в

Никита Филатов

**Записки о капитане
Виноградове**

Ф | амфора

Никита Александрович Филатов
Записки о капитане Виноградове (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11791448
Записки о капитане Виноградове (сборник): Амфора; Санкт-Петербурге; 2015
ISBN 978-5-367-03

Аннотация

Перейдя с оперативной работы на службу в Отряд милиции особого назначения, капитан Владимир Виноградов против своей воли оказывается втянут в противостояние двух преступных финансовых группировок и организованных криминальных структур, борющихся за контроль над правоохранительными органами.

Содержание

Сафари для покойника	5
Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	24
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Никита Филатов Записки о капитане Виноградове (сборник)

© Филатов Н, 2015

© ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

* * *

Сафари для покойника

Ничего подобного в действительности не происходило. Не могло произойти.

И, надеюсь, не произойдет.

Роман посвящается тем, кто уже никогда его не прочитает, – неважно, в каких окопах и во имя чего погибли эти ребята.

Господь рассудит...

Пролог

Я знаю одно слово, страшное слово, которое разрушит злые чары... Это слово «убийство», и оно несет с собой освобождение, чистое, как весенние цветы.

Гилберт Кит Честертон

Жара... На подоконнике задыхается вентилятор.

– Хотелось бы все-таки объяснить!

– Извините, но мотивы меня абсолютно не интересуют.

– Но необходимо, чтобы вы поняли...

«Господи, – подумал Виноградов, – какие же они все одинаковые. Каждый пытается выглядеть рыцарем, борцом за идею... А внутри – дерьмо. И огромная куча больного тщеславия».

– Этот человек – он, в конце концов, просто символ! Тут нет абсолютно ничего личного. Все прогрессивное человечество.

Клиент всегда прав, но в обязанности Владимира Александровича вовсе не входило выслушивание исповедей и политических манифестов. К тому же от этого пахло нестиранными носками.

Виноградов решил не церемониться:

– Вы располагаете достаточной суммой?

Это было все равно что спросить у прохожего, есть ли у него чувство юмора.

– Вам объяснили условия контракта?

– Да! – оскорбился клиент. – В общих чертах. Ваш... руководитель?.. Так вот, тот руководитель сказал, что я смогу его прочитать здесь. Если, конечно, мы с вами договоримся.

– Отчего же не договориться... Почитайте! – Он достал из папки экземпляр. – Одно изменение только, в пункте об оплате. Никаких безналичных расчетов, кредитных карт...

– Только «чернухой»?

– Кроме официальной стоимости тура – да! Там копейки... А остальное из рук в руки.

– Налоги? – понимающе осклабился клиент.

– Не только. Соображения конспирации в первую очередь.

Виноградов сделал вид, что ищет что-то в бумагах. Не объяснять же, что именно из-за мелкого прокола с «Мастер-кард» безвременно закончил жизнь и карьеру Полковник!

Теперь фирма страховалась и от этого...

– Какие гарантии вы даете? – Клиент положил было бумагу на столик, но Владимир Александрович тут же перехватил ее – такие документы из рук выпускать не полагалось.

– Гарантии чего?

– Ну... что все закончится без проблем.

– Если вы имеете в виду себя, то мы тоже заинтересованы, чтобы сафари закончилось благополучно. Четвертый параграф довольно подробно описывает степень нашей ответственности.

– Скажите, а вообще... были несчастные случаи?

– Меньше, чем на мотогонках. Или виндсерфинге! – Виноградов изобразил самую лучезарную из своих улыбок, но клиент оказался дотошный.

– А все-таки? Конкретно!

Можно было соврать, никто не проверит, но не хотелось.

– Погибли двое... нет, трое.

Да, третьим был тот парнишка, что шел с ними через границу в горах.

Собеседник хмыкнул:

– Желательно бы свести вероятность к минимуму.

– У нас отличные профессионалы. Лучшее, что можно приобрести за деньги!

– Да не в деньгах дело...

– Тем более что если вы попадете в беду, нас привлекут за соучастие. Сами понимаете, мы не заинтересованы, чтобы клиент оказался в руках у соответствующих органов.

– Разрешите еще раз взглянуть?

– Пожалуйста! Только с собой забирать нельзя.

– А после подписания? Мой экземпляр?

– Он будет храниться у нотариуса. Там все в договоре сказано...

Собеседник снова прочитал текст.

– В принципе я согласен. Тут сказано... дайте-ка!.. вот, про «таблицу коэффициентов».

Это что такое?

– Речь идет о конкретной стоимости именно вашего тура. Есть базовая калькуляция, она умножается на коэффициенты. С учетом таких факторов, как регион, выбранный клиентом, степень обученности, вид оружия, наконец, уровень защищенности объекта. Сами понимаете, президента республики охраняют лучше, чем паровозного машиниста.

Посетитель еще раз пробежал глазами контракт.

– Ладно! Читайте, что я согласен.

Когда за клиентом закрылась дверь, Виноградов плюхнулся в кресло. Но неудачно – задел бедром и поморщился. Странно, шрамы на шее зажили быстрее, чем те, что внизу...

Да, заставить теперь себя равнодушно смотреть на собачек будет безумно сложно!

Дождь... Тогда только что кончился дождь.

Владимир Александрович открыл элегантный, больше похожий на микроволновую печь сейф. Это был суперсейф! Последнее слово техники. При несанкционированном проникновении он моментально превратил в молекулярный пепел все свое содержимое.

Сначала была извлечена бордовая папка с фамилией клиента. Просто так, с улицы в кабинет к Виноградову не попадали – потенциального клиента проверяли, как когда-то в застойные годы космонавтов и поваров для Кремля. Тут про человека в крокодиловых ботинках было все – даже то, что он про себя или не знал, или напрочь забыл. Но сейчас вникать в собранную информацию не хотелось. В папку лег текст контракта – и она нырнула в бронированную утробу.

Скоро начнутся новости... Владимир Александрович крутанулся в кресле, взял пульт и включил телевизор.

Во весь экран возникло изображение рослого, средних лет господина с седой шевелюрой. Он что-то весело говорил в протянутые со всех сторон микрофоны, улыбался, приветствуя многотысячную толпу...

Покойник... Интересно, будет минута молчания в Организации Объединенных Наций?

Седого сменил другой сюжет: страшные последствия взрыва воздушного лайнера. Полиция ищет «черный ящик»; мина, судя по всему, заложена при посадке в Каире... Среди погибших – известный своими антивоенными выступлениями экс-сенатор Быковски...

– Пока ни одна из экстремистских организаций не взяла на себя ответственность за совершенный террористический акт. По мнению компетентных лиц, в мире наблюдается устойчивая тенденция к увеличению подобных анонимных и не объяснимых с точки зрения политических или религиозных интересов убийств.

Виноградов пожал плечами – так уж и тенденция!

Ерунда, фирма никогда не гналась за дешевым и быстрым успехом... Когда-то, не так уж давно, Владимир Александрович испытал это на себе.

Помнится, первая очередь в тот день ушла куда-то высоко в сторону...

Глава первая

При малейшем сопротивлении они сорвутся и начнут карать. Потом они опомнятся, им делается невыносимо стыдно, и, чтобы спасти свою совесть от этого стыда, они дружно примутся оправдывать самих себя друг перед другом, и в конце концов эту самую позорную страницу своей жизни они представляют себе как самую героическую и, значит, изувечат свою психику на всю оставшуюся жизнь.

А. и Б. Стругацкие
Отягощенные злом

Первая очередь ушла куда-то высоко в сторону. Вторая – плеснула веером под ногами, заставив отвыкшего от подобных забав Виноградова ринуться вслед за попутчиками в узкую щель капонира.

– Чего творят-то, а?

– Ну... война все-таки!

– Серьезно? – удивился Владимир Александрович. – Кто бы мог подумать!

– Извините. Это случайно, видимо. – Голос у молодого с родинкой на щеке капитана был виноватый. Будто это он сам там, в горных сумерках, выщедил зазевавшиеся фигурки и нажал на гашетку. – Я схожу разберусь?

– Куда? – Только сейчас Виноградов и капитан разглядели, что третий их спутник прижимает к подбородку нечто отдаленно похожее на давно не стиранный платок.

– Зацепило?

– Не, ерунда! Камешком... – Ротный, могучий мужик из бывших милиционеров, убрал тряпицу и потрогал не менее грязным пальцем коротенькую царапину. На всякий случай выругавшись, он переспросил: – Куда это?

– Проверю. Разберусь.

– Без тебя разберутся. Тоже мне... Фурманов. – Капитан был здесь вроде замполита и к шуточкам на эту тему вынужденно относился как к издержкам профессионального статуса, – Сиди ровно!

Подтверждая его уверенность, снаружи уже начали разбираться: сначала треснул испуганный автомат с четвертого поста, потом отозвались ребята снизу... Бронетранспортер выбил штатным крупнокалиберным пулеметом несколько гулких очередей, что-то рвануло на расстоянии – и уже ничего нельзя было различить в перестрелке, усиленной горным эхом.

– Та-ак... – Ротный поправил ремень. – Фурманов! Отведи Саныча обратно, пусть подождет, пока разберемся... А мы сходим поглядим, какая им вожжа под хвост попала.

– Пойдемте, – облегченно кивнул интеллигентный замполит и взял Виноградова под локоток.

– Только тихонько там... огородами! Понял?

– Доставлю в лучшем виде.

Офицеры прошмыгнули мимо открытой площадки, которая раз уже подставила их под пули. Теперь обошлось – вероятно, противнику было не до старых мишеней, к тому же видимость резко упала.

– Осторожнее!

– Спасибо. – Виноградов с трудом удерживал равновесие на узкой, противной, как местные змеи, тропе – и в конце концов все-таки оступился, выматерился отчаянно, отражая в многострадальных устойчивых оборотах русской речи собственный страх, боль

от ушиба и абсолютное непонимание миротворческой роли таких же, как он, идиотов с погонами. – ...перемать!

– Что случилось? Упали?

– Нет! Грибы ищу, – сплюнул Виноградов.

– Здесь мин раньше было полно. Еще когда военные базировались. Потом, конечно, разминировали, но... Держитесь все же за мной. По возможности шаг в шаг, хорошо?

– Куда уж лучше...

Командировка нравилась Владимиру Александровичу все меньше и меньше. И не то чтобы последние годы у него был сплошной курорт, но... Восстановившись в рядах родной рабоче-крестьянской милиции, Владимир Александрович честно и небезуспешно отпахал четырнадцать месяцев и неделю в уголовном розыске, копаясь в свежих трупах и попорченных временем агентурных делах. Потом без слез и скандалов перевелся в пресс-службу, обрел животик и майорские погоны, решив для себя раз и навсегда, что описывать чужие подвиги значительно интереснее, чем совершать их самому.

Все постепенно налаживалось... Даже материально – оклад плюс газетные гонорары, плюс кое-что за выступления на радио и питерском ТВ! Кроме того, Владимир Александрович поучаствовал в написании парочки нашумевших не только у нас, но и в далекой Норвегии сборников кроваво-криминальной публицистики, что также способствовало социальной и экономической стабилизации в масштабах отдельно взятой семьи Виноградовых.

Кавказ... Не думал, не гадал, никак не ожидал он... Просто – вызвали, начальник как раз в отпуске был, а с замами не сложилось: надлежит откомандировать в объединенную газету группировки федеральных войск и МВД в зоне известного всем конфликта одного сотрудника. Сроком на три месяца.

О семье, если что, Родина позаботится. Вопросы есть? Вопросов нет! Газета называется «Миротворец».

И вскоре вместо вечно перекопанной, но почти не простреливаемой Захарьевской, бывшей Каляева, Владимир Александрович уже осваивал улицу Ленина в пыльном и заштатном Вардино-Халкарске – триста метров туда и обратно между офицерской гостиницей и республиканским военкоматом, где редакции выделили аж четыре клетушки.

Коллектив, куда влился волею управления кадров Виноградов, был небольшой – всего человек восемь пишущих, в основном армейские журналисты, да сотрудники милицейских пресс-служб. Подразумевалось еще наличие нескольких военных разведчиков, числившихся за редакцией и решавших под этой крышей какие-то свои загадочные проблемы, но появлялись они редко, а о существовании некоторых вообще можно было только догадываться.

При Виноградове обошлось без потерь, да и раньше работу в редакции нельзя было сравнивать даже с самыми тихими блокпостами: только в самом начале, при вводе войск, подорвался на mine фоторепортер, да за месяц до приезда Виноградова ранили свои же бойцы капитана-москвича, возвращавшегося с церемонии сдачи двух кремневых ружей затюканным старостой равнинного села. Капитан, прикомандированный от внутренних войск, успел сдать в номер фанфарный материал и читал его уже на госпитальной койке: судя по тексту, боевики в районе напрочь лишились своих арсеналов, а фотографию коллеги вообще подмонтировали из боснийской хроники.

Владимир Александрович отвечал в редакции за освещение славных боевых будней ОМОНа, спецподразделений МВД и транспортной милиции. Это было естественно, так же естественно, как первая же инициатива его по прибытии на место – организация постоянной юридической рубрики «Ваш адвокат». По мысли Виноградова, газета должна была бы из номера в номер публиковать разнообразные нормативные документы о льготах и компенсациях, положенных миротворцам в погонах и членам их семей... Предполагался и авторитетный, профессиональный комментарий.

Худой, весь прокуренный редактор с хронической язвой и подполковничьими звездами по запарке подмахнул первый материал «Вашего адвоката», а потом ставил новичка в пример подчиненным за общественный резонанс и потоки читательских откликов... но недолго. Дня три, пока не побывал в штабе на ковре у первого зама командующего. Там ему популярно объяснили, что не время сейчас, когда Отечество в опасности... и что – шкурные интересы... и насчет дешевой популярности... тоже – «правозащитники»!

Словом, рубрика скончалась во младенчестве.

Виноградову было уже не семнадцать, и даже не двадцать пять. Поэтому, получив от шефа исчерпывающий, но непечатный отчет о визите к генералу, он только вздохнул, написал в ведомости и пошел к вертолетчикам, где, естественно, и напился так, что похмельный синдром заглушил на некоторое время тягу к самокопанию.

А что бы вы хотели? Стучаться в закрытую дверь – занятие скучное и неблагодарное. Это не слишком опасно, но больно, особенно если стучаться головой...

Коллеги поняли, посочувствовали и с утра угостили добытым у съемочной группы Тиби-эн безалкогольным пивом.

...Почему-то у Владимира Александровича все гадости происходили в жизни, что называется, под занавес. То в мореходке прямо перед выпуском сперли сумку с написанным и отпечатанным дипломом. То под самый конец экспедиции в Карском море, когда уже сутки считали до порта, затонул пароход, еле выплыли! В Москве, опять же, накануне увольнения... Вот и теперь: последняя командировка на «точку», задание строк на триста – расписать положительный опыт сосуществования питерских омовцев с местным населением.

Действительно, село здешнее с примыкающей к нему «зеленкой», кусочком трассы и нависшими слева и справа горами уже который месяц числилось нейтральным. С тех пор как с глаз долой ушли отличившиеся в мартовских боях внутренние войска, а на смену им перебрали бывших виноградовских сослуживцев.

В первый же день бородатый, настороженный и плохо умытый командир местного отряда самообороны удостоил беседой прибывшего не с пустыми руками полковника Гуляева. С утра сам нанес ответный визит, по пути производя разведку и оценивая боеспособность северян... Стрелять с тех пор почти перестали, процветал натуральный обмен, и проблемы решались в рабочем порядке – по мере их поступления, так сказать. ОМОН досматривал проходящие по трассе автоколонны, изредка ввязываясь в проводившиеся в соседнем районе войсковые операции, и не лез в село. Местные же во главе с бородатым делали вид, что не пускают на контролируемую ими территорию боевиков, продавали Гуляеву свежие овощи и не позволяли особо несдержанной молодежи резать русских, расположившихся в полуразрушенном комплексе древней, тридцатых еще годов машинно-тракторной станции. В конце концов, с точки зрения старейшин, делать это почти у порога собственных домов было неразумно – «непримиримые» всегда имели возможность отъехать за перевал, немножко повоевать в одном из многочисленных бандформирований, а затем вернуться на заслуженный отдых.

Сзади шумно возник обрадованный здоровяк автоматчик:

– Ух, еле догнал!

– А ты-то здесь зачем?

– Командир послал, на всякий случай.

Бежать за офицерами в полной выкладке, с рацией на боку и бронежилетом на пузе, да еще в одиночку... Не отсылать же его теперь обратно!

– Ладно... Идем дальше?

– Ага, – кивнул Виноградов. Томления замполита он понимал, но, в отличие от спутника, знал, что главное – не суетиться. Есть задание описать положительный опыт мирного

существования? Есть. Значит, будет такой материал, даже если в это время здесь начнут кидаться водородными бомбами.

Через пару минут спутники уже стояли на терраске, отделенной от базы ОМОНа поломгим, покрытым струпьями мертвой растительности склоном. Пальба, которая уже приобрела некое подобие ленивой осмысленности, воспринималась отсюда, из-за скалы, как нечто абстрактное, не имеющее лично к ним никакого отношения: так обыватели наблюдают из занавешенного окна панельной многоэтажки пьяную драку молодежных компаний.

Свет в помещениях МТС предусмотрительно выключили, и только неестественно белые конусы дежурных прожекторов выхватывали из томительного пространства то горбатый валун у дороги, то дерево, то изуродованную минным подрывом еще в декабре боевую машину пехоты. Неожиданно луч накатил на Виноградова, и они почти одновременно прижали к глазам рукава камуфлированных ватников.

– Ох, етить твою!

– Да уж! Одна-ако...

И опять темнота заполнила все вокруг, но теперь она казалась еще плотнее и настороженнее. Глаза постепенно отходили от шока...

Хрюкнул динамик:

– Двести третий! Двести третий!

И сразу же, обрывая позывные, грохнуло – снизу, от базы: контуры неуклюжих построек ожили, высветились белым пламенем пулеметного залпа. Выплеснув первую ярость, он рассыпался было на разноголосую дробь отдельных очередей, но уже через мгновение все огневые точки неразлично вели каждая свою партию в тщательно отрепетированном хоре.

– Мать моя!..

Многочисленное эхо не позволяло определить, кем и откуда ведется ответная стрельба, казалось, испуганный лагерь отчаянно ошестинился сотнями вспышек и белыми иглами «трассеров».

Капитан, прижимая к уху черную пластиковую полусферу и пытаясь хоть что-нибудь разобрать, досадно махнул рукой:

– Не слышно ни черта!

Казалось, сейчас он потребует убавить звук.

– Да что там такое-то? – неизвестно к кому обращаясь, спросил Владимир Александрович. Вместо ответа пальба неожиданно осеклась – только один неугомонный боец продолжал откуда-то с крыши столовой нарушать тишину безобидным чиханием своего «калаша».

– Двести третий... двести третий! Ответьте Граниту...

– На приеме двести третий! – выпалил наконец свои позывные замполит.

– Где находитесь?

– На подходе...

– Срочно на базу! Как поняли? Срочно на базу!

– Понял вас, понял... Что случилось-то?

– Срочно на базу!

«Гранит» – это были штатные позывные дежурного по отряду, и вместо привычной начальственной твердости сквозь шум помех однозначно улавливались нотки истерики.

– Гранит! Гранит! Что там у вас – атакуют, что ли?

Виноградов мысленно похвалил капитана – вопрос был не праздный, под горячую руку вполне можно было схлопотать пулю от своих.

– Двести третий, у нас потери... Срочно возвращайтесь!

– Что? Не понял, Гранит!

– Убиты...

– Кто убит, не понял! Повторите?

– Двести первый и двести второй! – выдавил наконец информацию дежурный.

– Чего – двести первый? – думая, что ослышался, переспросил капитана Владимир Александрович.

– Чего – двести первый? – вслед за ним прокричал в микрофон замполит.

Матерно, но отчетливо дежурный подтвердил, что они не ослышались.

– Да-а... блин!

Теперь замполит был за старшего: двести первым значился сам полковник Гуляев, а двести вторым, соответственно, его начальник штаба. Стала понятной истерика дежурного и его стремление как можно скорее переложить на кого-нибудь бремя ответственности за сводный отряд.

Незаданные вопросы толпились невидимым сгустком, но время для них еще не пришло.

– Понял вас, Гранит! Держитесь там... Скоро буду.

Стрелять, кажется, перестали, даже со стороны трассы не доносилось ни звука.

* * *

Двинулись не по склону – в обход: короткая дорога и раньше не пользовалась популярностью, а теперь относительно ровное пространство вокруг МТС было сплошь нашпиговано разнообразными минами – армейскими, бандитскими, вообще неизвестно чьими...

– Эй, кто там?

С лету уткнувшись в могучую спину спутника, майор даже не сразу понял, кто и кого окликает.

– Кто идет?

На этот раз голос замполита прозвучал настороженно. Автоматчик внушительно щелкнул предохранителем и присел. Пользуясь случаем, Виноградов оперся о камень, давая измученному организму короткую передышку. Он все равно ничего не слышал.

– Свои!

– Какие свои? – с облегчением выругался боец и шагнул навстречу невидимому обладателю среднерусского говорка.

Больше он ничего не успел: короткие, слившиеся в единое целое сполохи сначала высекали из темноты показавшийся неправдоподобно большим силуэт, а затем отшвырнули его прямо под ноги Виноградову. Звуки пришли с опозданием...

– Бля-а-а!

Чтобы испугаться, уже просто не осталось времени.

Слева, из-за камней, опустошал обойму капитан – виднелись только краешек погона и рука с пистолетом. Виноградов зачем-то передернул затвор, запоздало сообразив, что патрон уже был в патроннике.

– Мать их...

В трех шагах, чуть правее и выше, появилась фигура – скорее всего, нападавший решил обойти капитана, не догадываясь о существовании Владимира Александровича.

Как любили говаривать негры-убийцы из голливудских боевиков, в этом не было ничего личного: просто бедняга оказался не в том месте и не в то время... Виноградов два раза выстрелил, и убитый шумно скатился на тропку.

Капитан размахнулся и бросил гранату – куда-то подальше, на всякий случай, но не успело рассыпаться первое эхо, как с той стороны ответили тем же: оглушительный взрыв распустился фонтаном камней, никому не доставив особых неприятностей.

И – тишина.

– Эй, вы в порядке?

– Ага! – неожиданно мерзким фальцетом ответил Владимир Александрович. Застеснялся, прокашлялся, сплюнул.

– Посмотри там! – скомандовал замполит, и, кивнув непонятно кому, Виноградов уставился в сторону, где, скорее всего, затаилась опасность.

Капитан метнул себя к телу омовца, первым делом перехватил автомат, а затем, не особо миндальничая, отволол самого бойца под прикрытие валуна.

– Живой, слава Тебе Господи!

Обе пули принял на себя бронезилет: та, которая должна была разворотить сердце, застряла в пластинах, а вторая, правее, все же достала до ребер, утратив, однако, убийную силу. Контузило как следует: двойной удар – в грудь и затылком о камни... хорошо, если позвоночник цел.

Индивидуального пакета, конечно, в карманах ни у кого не оказалось.

– Чего там?

– Вроде тихо... – без уверенности доложил Виноградов. Все равно разглядеть ничего было нельзя, а в ушах гудело от какофонии скоротечного боя.

– Смотри-и!

– Может, убежали? – Верить в это Владимиру Александровичу хотелось нестерпимо.

Капитан не ответил. Пару раз тряхнув стянутую с плеча раненого переносную радиостанцию, он впервые на памяти Виноградова грязно выругался.

– Чего там?

– Накрылась...

Все было одно к одному... Противник возник неизвестно откуда и был сейчас неизвестно где. И, что хуже всего, мог готовить очередной тур «марлезонского балета»! Виноградов припомнил, что первая обойма уже израсходована, да и во второй тоже...

– Покарауль, а? Слышишь?

Замполит вернулся на свой огневой рубеж: конечно, с «Калашниковым» и кучей боезапаса он чувствовал себя намного увереннее майора. Владимир Александрович торопливо, не разгибаясь, пробрался туда, где по его прикидкам должен был рухнуть убитый.

Натолкнувшись на то, что искал, он прежде всего убедился, что враг не опасен, и сунул в кобуру пистолет. Ощупал пространство вокруг – вот она! Длинная, непривычно удобная снайперская винтовка с прохладным прикладом у казенной части... Магазин небольшой, но должны же быть еще патроны?

Тщательно, снизу вверх Виноградов ощупал покойника: что-то гигиеническое с ампулами и бинтом, нож, фонарик... ага, вот тяжеленькие магазины – два, вороненые и плоские, скалящиеся с одного из торцов острыми зубками пуль! Никаких документов, только в наплечном кармане армейского камуфляжа комок разномастных купюр: рубли какие-то, доллары – сколько и чего, в темноте разбирать было некогда, да и незачем. Виноградов пихнул деньги обратно, стараясь быстрее отцепить их от клейких и ноющих пальцев: все-таки вляпался в кровь, прямо в теплую лужицу под мышкой.

«Чего уж там... бывает!» – мысленно попрощался с убитым Владимир Александрович и против воли посмотрел в запрокинутое к небу лицо. До этого он старался не поднимать глаза дальше белой ключицы над тельником.

– Й-еб твою...

– Что такое?

А майор и не знал, что ответить...

* * *

С Валентином Батениным он познакомился в восемьдесят восьмом под самый Новый год. Позабылся уже Сумгаит, с мостовых Баку смыли кровь от осенних погромов, весь советский народ без приказа расплакавшегося Рыжкова слал в Спитак и Ленинанк непрерывным потоком одежду, еду и медикаменты... а в горах озверелые бородачи поджигали в амбарах оставшееся население нищих азербайджанских сел.

Союз был крепок с виду, но жить ему оставалось недолго.

«Транспортника» Виноградова, отбывавшего первую свою, так сказать, кавказскую ссылку, поставили старшим над троицей ленинградских бедолаг милиционеров. И отправили сопровождать через две фронтовые границы огромный состав с колбасой и беженцами.

Войны здесь, конечно, никакой не было и быть не могло по определению. Официально... Только вот местному населению сообщить об этом не удосужились. Оно, понимаешь, местное население, очень любило пожрать и совсем не любило беженцев, особенно соседней национальности.

И с оружием там тогда обстояло дело намного лучше, чем в рабоче-крестьянской транспортной милиции.

Словом, отбили их с некоторым опозданием доблестные десантники Псковской дивизии. С неба свалились – в прямом и переносном смысле: взвод лейтенанта Батенина! Вертолеты, пулеметы, русский мат и запах трофейного коньяка.

Сопроводили до Нарашена, по пути познакомились. Лейтенант оказался из питерских, закончил «Рязанку» и почти год отмотал в ограниченном контингенте.

Как положено, выпили – благо, с этим делом у предусмотрительного Владимира Александровича проблем никогда не было. Виноградов позавидовал «Красной Звезде» молодого совсем земляка: тот без шуток поведал, как врезали им перед самым уже выводом из Афгана козлы-моджахеды... Еще выпили – за погибших, за Питер, за тех, кто в пути.

Расставались по-доброму, но за мешаниной событий и дат как-то почти сразу забыли друг друга... В Приднестровье они разминулись, когда капитан Батенин миротворствовал в Югославии – Виноградова посылали в Москву на танковую экскурсию к Белому дому. Так что встретились только случайно на Лиговском проспекте уже в девяносто первом.

Батенин, по прозвищу Батя, больше не служил Отечеству, решив немного поработать на себя. Катался на новенькой «вольво», дружил с городским головой и вопросы решал «по понятиям». Словом, пользуясь терминологией нового времени, «круто встал»!

А потом – круто сел... То есть это сначала казалось, что круто: пресса, телевидение, депутаты. Букет статей Уголовного кодекса, даже две подрасстрельных! Пессимисты предсказывали лет пятнадцать, оптимисты – восемь с досрочным освобождением. Реалисты прогнозов не делали и оказались правы: получил Батя два года символических при отсрочке, естественно, приговора. С учетом славного боевого прошлого и личности подсудимого, а также ввиду осознания частью особо настойчивых потерпевших своей полной неправоты.

По слухам, недавний десантник и узник «Крестов» после выхода на свободу остепенился, ворочал большими деньгами и всяческого криминала не выносил, как черт ладана. Спонсировал юношескую филармонию и военно-спортивный клуб, женился удачно, вступил в какую-то партию...

Когда Виноградов прихватил со стволом одного из проживавших на территории отделения Батиных бойцов, Валентин даже связываться не стал. Поручил заместителям... И, узнав про неправильное поведение вредного опера, никаких неприятностей ему не устроил.

Все-таки братство под пулями не забывается... Тем более что дело тогда прекратили за отсутствием состава преступления! А майор Виноградов перевелся в пресс-службу...

– Что такое?

– Слушай, я тут... знакомого завалил. – Опрокинутое лицо покойника, покрытое свежей щетиной, заострилось. Батенин был не похож на себя живого, но это был он. Майор вытер зачем-то пальцы с начавшей уже подсыхать кровью о плотную ткань камуфляжа. – Погляди!

– Чего? Не понял, чего там?

Виноградов собрался ответить, но воздух вокруг разорвали тысячи огненных бликов. Глаза на секунду ослепли, и, втиснувшись в крохотную ложбинку, он чувствовал кожей, как очереди прошивают укрывавший Владимира Александровича валун.

Стреляли откуда-то сверху, почти со спины.

– Назад! Отходи, слышишь? Ты жив?

– Вроде бы. – Владимир Александрович непонятным прыжком одолел пробиваемое пространство и рухнул поблизости от замполита. – Во!

Замполит хотел было похвалить майора за трофейную огнестрельную единицу, но не успел: тот, кто сидел на камнях с пулеметом, вконец потерял чувство меры. Казалось, что результат его не интересует, что перед стрелком поставлена задача полностью израсходовать имеющийся боезапас. Очередь следовала за очередью, и в короткие промежутки Виноградов и капитан лишь пытались не прозевать опасного приближения нападающих.

Неожиданно в уши ударила тишина.

– Александрыч?

– Тут я...

– Это хорошо.

Звуки собственного голоса, конечно, демаскировали, но молчать было еще страшнее.

– Смотри, не высовывайся... Может, опять полезут.

– Ты тоже не зевай!

Заныли напрягшиеся барабанные перепонки. Разбуженный дракой инстинкт помогал выделять среди ночных шумов те, что могут представлять опасность.

Владимир Александрович попытался узнать время, но циферблат лишь матово темнел на фоне торчащего из рукава запястья.

Разглядеть, как раскинулись стрелки, было невозможно.

– Эй, комиссар, – еле слышно позвал Виноградов.

– Ну?

– Командуй! – Владимиру Александровичу почему-то казалось, что теперь они на тропе одни.

– Двигаться надо... Пойти проверить.

– Ага, – вздохнул Виноградов. Идти предстояло ему, это было естественно и разумно.

Но не хотелось.

– Сколько времени? – поинтересовался он.

– Двенадцатый час. Шесть минут... – будто извиняясь, откликнулся капитан.

– Засиде-лись...

«Как она хоть работает-то, – подумал Владимир Александрович, перехватывая поудобнее винтовку. – Это вроде предохранитель...»

– Мать честная!

– Чего там?

– Штучка-то моя... с инфракрасным прицелом! Дай-ка секундочку огляжусь. – Он приник к окуляру; резиновый ротик, утративший уже тепло предыдущего владельца, мягко обнял пространство вокруг правого глаза. – Ну-ка, ну-ка...

Через хитрую оптику мир смотрелся еще нереальнее, чем наяву. Виноградов ощупывал взглядом окрестные камни, чувствуя, как с каждым движением вырастает в нем ощущение собственной неуязвимости. Впрочем, Батенин, наверное, думал так же. До...

Винтовка чуть дрогнула, и с некоторым опозданием Виноградов услышал им же произведенный хлопок – мягкий и не похожий на выстрел.

– Чего, Саныч?

– Ничего, извини! – Владимир Александрович и сам не заметил, как нажал пальцем на спусковой крючок. – Трофей проверил.

– Понял.

Да, это оружие любило и умело убивать...

– Прикрой, если что! Пока...

– Осторожнее... Давай!

Виноградов подумал, выбираясь из-за камня, что, если его убьют, капитану тоже придется несладко – одному, ночью... Хотя это, конечно, лучше, чем трупное разложение.

Владимиру Александровичу уже было далеко за тридцать, он никогда не служил в армии, и контрольные нормативы ему обычно ставили хлопцы из кадров за сахар к чаю или свежий анекдот. Поэтому то, что выделял майор на горной тропке, мало походило на кадры из учебных фильмов о спецназе...

...В непосредственной близости никого не оказалось.

Ни живых, ни даже, что удивительно, мертвых: Виноградов даже для верности ощупал то место, где совсем недавно обнаружил Батенина.

Он продвинулся метров на сто. Вернулся.

– Все в порядке, комиссар! Это я.

– Правильно, – одобрил капитан. Он уже между делом распаковал раненого, сняв с него переднюю поврежденную часть бронежилета. – Тащить придется...

– Живой?

– Пока да.

– Слышь! А они своего унесли, которого я завалил.

– Ну оружие-то осталось... Нарисуем представление в лучшем виде!

– «Считай, Тихон, себя уже с медалью!» – процитировал всем известное Виноградов, и оба офицера расхохотались – нервно и коротко.

* * *

Лампочка – крупная, яркая, упакованная за неимением абажура в потертый газетный кулек, мелко подрагивала на шнуре. Там, снаружи, за путаницей коридоров и стенами из кирпича на подсвеченной специальным устройством площадке хозяйничали вертолетчики.

Окон в ружейке, естественно, не полагалось, но Виноградов и так представлял: один за другим опускаются с неба «борта», пригибая к земле встречающих, за секунды наружу высеивается новая дюжина торопливых навьюченных всякой всячиной фигурок, какие-то ящики, трубы, мешки... Облегчившись, отталкивается вертолет напружиненными колесами от асфальта, в незапамятные времена заставленного ремонтируемыми тракторами и комбайнами, отваливает в сторону, вверх, уступая кусочек пространства другому.

Там, снаружи, было сейчас очень шумно.

Здесь – нет. Разве только если очень прислушиваться.

Здесь пахло куриным концентратом, промасленной ветошью и немножечко тальком.

Никто не курил...

– Распишись. Вот тут! Тут тоже...

У старшины были красные от недосыпа глаза, смешная фамилия и орден «За личное мужество».

– Хорошая вещь. Я таких не видел. – Старшина аккуратно, но крепко перехватил принесенную Виноградовым винтовку: так обращаются с оружием люди привычные, знающие ему цену. – Ну-ка, мы ее на почетное место...

Лязгнув запором, он отворил тяжелую металлическую дверь сейфа. Поставил винтовку прикладом на дно, так, чтобы не повредить невзначай оптику. Рядом, в отдельной ячейке, пристроил обоймы.

– Все?

– Все! – Они со старшиной были давними приятелями, но не рассказывать же ему, что один-единственный назначенный от государства патрончик сейчас греется в тесном кармашке на груди, рядом с бумажником и «ксивой».

Каждый, в конце концов, имеет право на сувениры.

– Поздравляю...

Виноградов уже успел поведать, что к чему, и старшина, покончив с формальностями, предложил:

– Примешь?

– Наливай! – Собственно, это было как нельзя кстати.

– В целях медицины...

Хозяин прошел мимо длинного ряда окрашенных по-корабельному железных шкафов – через соответствующие проушины кокетливо свисали на веревочках пластилиновые печати. Порывшись под штабелем бронежилетов, он на какое-то время исчез в лабиринте заваленных разнообразной амуницией стеллажей.

– Ага! – торжествуя донеслось оттуда, и старшина протиснулся обратно, по пути задев ногой пирамиду бывавших в употреблении резиновых дубинок. – Черт, коз-злы...

На газете возникли бутылка «Московской» кизлярского разлива, стаканы, нож и три корочки хлеба. Подумав, хозяин присовокупил к натюрморту помятую банку, оказавшуюся при вскрытии скумбрией в собственном соку.

Водка была гнусная, так что порцию свою майор одолел с напряжением, в три приема. И набросился на консервы.

– Спасибо... ух!

– Давай рубай – не стесняйся. Потом там вон в углу накидаем шмоток, и спи себе, пока то-се. Утром разбужу, когда наряды придут со смены.

– Думаешь, будут разоружаться? Как обычно?

– Не знаю. Посмотрим... Хорошо бы!

В это верилось слабо. Размеренные будни кончились, опять начиналась война.

– Когда вам заменяться?

– Должны через одиннадцать дней.

– Да-а... Гуляева жалко. Мужик был стоящий.

– Да и Михалыч тоже...

– Я его не застал. Он позже перевелся.

– Да, дела... – Оба подумали, что дай Боже, если все ограничится только двумя погибшими. В осенних боях за неделю отряд потерял столько же, сколько за всю историю борьбы с доморощенными рэкетирами и самолетным террором.

– Идти надо. Доложить на всякий случай. Чтоб не искали!

– Тоже верно. Зажуй, на! – Старшина протянул четвертинку луковицы.

– Спасибо. Кстати! – Владимир Александрович почти привел себя и форму в порядок. – Кстати... У меня в «макаре» меньше чем пол-обоймы осталось. Выручишь?

– Господи, какие могут быть вопросы... Давай не задерживайся! И не дыши там особо. Хотя, собственно, ты теперь человек большой, начальству нашему не подчиняешься...

...Прежде чем попасть в помещение штаба, Владимир Александрович выслушал версию гибели Гуляева.

– Когда насчет пальбы на трассе доложили, командир, конечно, с замом наружу вылез – резерв отправить, распорядиться, что куда, – Дежурный связист темпераментно сплюнул и покосился на дверь, отделявшую личный состав от прибывшего руководства. – Как водится, словом... И – бац, бац! Никто, бля, понять ничего не успел: оба рухнули моментом. Шум-гам, машины ревут, мы, конечно, ответный огонь открыли...

Из-за тоненькой стенки раздался командный рев:

– Я сказал – врезать им, ясно?! Ты понял, блин, как тебя? Наших тут, мать-перемать, стреляют, как зайцев... Делай!

Безносова в регионе знала каждая собака: герой, скандалист и отец солдатам. Глупых потерь у него не было, хотя полком затыкали все дыры с момента вторжения. Разумеется, не обошлось без легенд: и про то, как мародеров лично расстреливал, и насчет министра обороны, которому Звезду Героя в морду кинул... Во всяком случае бригаду ему дали только недавно.

– Это кого так?

– Летчиков. Опять связались, просят подтверждения, – прокомментировал, по обычаю, лучше всех осведомленный связист.

– Бомбить станут?

– Обяз-зательно! – кровожадно усмехнулся десантник.

Владимир Александрович представил себе, как за перевалом появляются несколько «сушек», разворачиваются, перестраиваются поудобнее и с космическим ревом обрушивают силу своих ракет и пушек на четко очерченные приборами сельские улицы. Грохот, пламя, смерть...

– Вы авиация или говно?! – прорычал из-за стенки полковник. – Мир-ро-твор-рцы...

В его исполнении это прозвучало куда оскорбительнее, чем матерное ругательство.

– Не, я, пожалуй, сейчас к нему не пойду...

– И правильно! Целее будете, товарищ майор.

Очевидно, откуда-нибудь из Гималаев все это смотрится как игровая суперкассета с «Дэнди» или «Сегой»: петляют по лабиринтам крохотные танки, кто-то стреляет, кто-то кого-то разносит в куски, наступая на минное поле, исчезают мосты, города, государства, и зловеще хохочут нестрашные монстры... А чего волноваться? У каждого по десятку «жизней», если же надоест, просто выключи телевизор.

Виноградов перекрестился и пошел спать.

* * *

И никаких тебе кошмаров...

– Эй, Саньч! Войну проспидишь.

– О-ох... – Виноградов хотел ответить, что это было бы, в сущности, неплохо, но язык не ворочался. Немножко ныла голова, и ноги, одна расцарапанная, а другая потертая, напоминали о вчерашних приключениях на свежем воздухе.

Хотя в целом организм функционировал.

Владимир Александрович поскреб не мытую с прошлой пятницы макушку и приоткрыл один глаз.

– Уже утро?

– Ага! – подтвердил старшина с превосходством уже опохмелившегося человека, – Утро, так сказать, стрелецкой казни. Холст, масло... Художник Безносков-Закавказский.

– Водички бы?

– Имеем чего покрепче... не желаете?

– Нет, любезный, на фиг!

В соответствии с рекомендациями лучших собаково... диетологов, прием пищи Виноградов начал со стакана холодной кипяченой воды. Затем, несколько оживившись, проследовал в отрядную столовую, где получил миску пшенной каши с маслом и средней паршивости чай. Доедая в компании разговорчивых милиционеров положенную порцию, он попытался представить себе еще раз череду событий прошедшей ночи, но картинка получилась немного стертой, утратившей цвет и то, что называют эмоциональным наполнением. Даже мертвый Батенин мелькнул запрокинутым подбородком, тревожа не более, чем какой-нибудь персонаж голливудской премьеры.

– Что там новенького?

– Оцепили, говорят, село. Блокировали...

Тема собеседников интересовала, и они не прочь были поделиться информацией с посторонним майором.

– Слышали, товарищ майор? Говорят, того снайпера взяли, который наших подстрелил.

– Да ну? Живой? – сделал удивленное лицо Владимир Александрович. Его всегда интересовало прихотливое и непредсказуемое функционирование «солдатского телеграфа»: бывали слухи даже достовернее официальных источников, но чаще всего они напоминали метеопрогноз в изложении Нострадамуса.

– Был живой!

– К двум танкам привязали – и тю-тю! В клочья.

– Да-а...

– Вы сейчас с нами? – поинтересовались милиционеры.

– А почему нет?

Это была последняя партия, отправлявшаяся на трассу с базы, – и меньше чем через час Виноградов уже прыгивал с брони:

– Приветствую!

– Ага, приехал, – кивнул, пожимая руку, замполит. – С добрым утром!

– Здорово! Серьезно тут у вас.

По пути Виноградов со спутниками миновали продвигавшуюся по трассе колонну тяжелых танков. Чуть в сторонке, за брошенной мельницей, притаилась позиция «Градов», ближе к мосту торопливо выравнивали задранные хоботки стволов боевые машины десанта.

– Понагна-али...

Вообще, народу вокруг села копошилось множество – и пехота внутренних войск, и армейцы, и «парашютисты»... Воздух, по-утреннему прозрачный, попахивал сизым дымком отработанного топлива, повсюду мелькали береты различных цветов: краповые, голубые, черные. Помчался, выделяясь асфальтовым камуфляжем и вязаными шапочками-презервативами, питерский СОБР – специальный отряд быстрого реагирования, личная охрана генерала.

Федеральные силы готовились к драке.

– А что эти? – Владимир Александрович показал на темнеющие вдаль очертания сельской окраины. Чувствовалось, что летчики потрудились, – два черных клуба, один помощнее, другой совсем уже истончившийся, уходили в небо откуда-то из района жилых построек.

– Приезжал их главарь с муллой... Глянь!

Виноградов принял из лапищи ротного бинокль и подстроил его, крутанув колесико. Сначала в поле зрения оказались развалины уничтоженного прямым попаданием ракеты поста ГАИ, в новое время служившего укрепленной огневой точкой отряда самообороны. Затем Владимир Александрович увидел «уазик», нырнувший за каменную ограду.

– Ага, понял. Ну и что?

– Приехали, уверяли, что это не их рук дело. Что чужие, не местные.

– Может, не врут?

– Кто его знает! Безносову по фигу. Сказал, что если не могут порядок обеспечить – пусть разоружаются. Время – до полудня, двенадцати ноль-ноль. Никаких нейтральных зон: сдать оружие, обеспечить ввод и размещение гарнизона. Всех, кто сейчас в селе и не местный, – на фильтрационные пункты...

– Верно! Давно пора, – кивнул оказавшийся рядом офицер.

– А если не согласятся? – На часах уже было столько, что выполнить условия ультиматума можно было только чудом.

– Безносов сюда не кофейничать прислан... Тем более ему лампы скоро получать.

– А твоя задача?

– Слава Богу! Обеспечиваем оцепление, перекрываем возможные пути отхода...

Потом – разборки с задержанными.

– С пленными...

– Если они будут.

...Ровно в одну минуту первого над объектом появились самолеты. Наверное, это были СУ-27, а может быть, и нет – Виноградов встречал их красивые, хищные силуэты практически в каждой «горячей точке», куда заносила его судьба, но как-то все не удосуживался уточнить у людей сведущих.

Впрочем, значения это не имело.

Задрожала земля и продолжала вибрировать еще некоторое время после того, как ушли, развернувшись открытым бутонем, реактивные штурмовики.

Почти сразу же свист и шелест наполнили воздух, воплотились на виду у Виноградова в пламенный смерч – заработали «Грады». Что творилось сейчас там, куда падали снаряды, он даже не хотел представлять...

Незаметно, как будто сами по себе, двинулись колонны. Владимир Александрович упустил отданную по радио команду и теперь, стараясь увидеть как можно больше, залез на поросший лишайником валун, рядом с собой обнаружив и замполита, и ротного.

– Господи, пронеси...

Наступали по трем направлениям, две колонны достигли окраинных развалин, и только та, что двигалась параллельно трассе, отстала: на глазах у резерва передняя бронемашина споткнулась, замерла и осела. Из-под нее потянулся дымок, все густея, закопошились фигурки...

– Мина!

– Смотри, Саныч, во сука!

В окошке осыпавшегося после налета стандартного, блочной постройки барака ярко, так, что даже без оптики различался, пульсировал огонек. Кто-то прицельными длинными очередями выкашивал десантников, занимавших уже пост ГАИ. Бойцы кучились под броней, залегали, отстреливались, но...

– Сейчас, сейчас, – подбадривал их Виноградов, пока сразу несколько выпущенных отовсюду гранат не заставили пулеметчика замолчать.

– Нор-рмально!

Подразделения Безносова, за исключением того, что напоролось на минное поле, уже втянулись на улочки села. Неудачники двинулись влево, меняя маршрут, а второй эшелон, ожидавший команды, доложил Первому о готовности.

В этот момент, тишина которого нарушалась лишь рокотом двигателей и далеким потрескиванием автоматов, захрипела радиостанция. На волне федеральных сил густой бас с ярко выраженным кавказским акцентом потребовал:

– Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу! – Потом, чуть помешкав, добавил: – Генерал Безносов, прекратите стрельбу! Мы сдаемся... Повторяю: мы сдаемся ради мирных жителей.

– Теперь наша работа, – потер переносицу мрачно настроенный капитан. Ему, как командиру сводного отряда МВД, предстояла вторая фаза операции. – Схожу-ка получу дополнительные указания... И с победой поздравлю.

– Прекратите огонь, остановите солдат... Мы сдаем оружие! – Это было последнее, что услышал из уносимой радиостанции Виноградов.

Остаться на камне было глупо, идти некуда.

Виноградов достал из кармана обломок печенья и неторопливо куснул его, ощущая приятную твердость зубов.

В конце концов, война есть война. Не мы первые...

Сначала прочесывали не спеша, обстоятельно, потом, по мере приближения к площади, стали уставать и халтурить. Так, что группа прикрытия даже нашла в одном доме забытый в шкафу автомат, а из полуподвала достали сидевшего там мужичонку. Дом, конечно, сожгли огнеметом, пленного покалечили, а личному составу, позволившему себе прокол, замполит пригрозил по рации дисциплинарным взысканием. Устно при встрече он объявил разгильдяям, что в следующий раз будет иметь их в такой извращенной форме, что даже доктор Щеглов содрогнется...

В целом, однако, все пока шло без досадных недоразумений. На площадь сводили и стаскивали мужчин, дети и женщины тянулись сами и стояли теперь молчаливой толпой поодаль, рядом с памятником Ленину, нервирова охрану и вздрагивая при каждом взрыве.

– Документы! – Увесистый собровец выплюнул окурочек и пасмурно глянул на очередного задержанного.

– Дома остались.

– Понял. – Он сидел прямо на крыльце бывшего сельсовета, расставив колени и прикрыв между ними автомат калибра девять миллиметров. – Налево!

Стоявший рядом с бородачом прапорщик лениво опрокинул задержанного на землю, ударил прикладом и поволок куда приказано. Коротко вскрикнула женщина.

Тех, кто отстреливался, убивали сразу. Остальных делили на две неравные части – общую и подозрительную, подлежащую конвоированию в лагерь. Деление, впрочем, сугубо условное... Это называлось «первичная фильтрация».

На крыльце рядом со спецназовцем стопкой лежали различные документы: водительские удостоверения, паспорта, даже один партийный билет.

Памятуя о профессиональном долге, Владимир Александрович сделал несколько фотоснимков казенным «Кодаком», а кроме того, с разрешения капитана прихватил на память хорошей старинной работы кинжал. В коллекцию...

Ветер переменился, и от горящих домов потянуло дымом.

– Не любят нас здесь, – сокрушенно качнул подбородком верзила с крыльца. – Странный народ!

И не ясно было, то ли он дурак, то ли это просто юмор такой – солдатский. На всякий случай Виноградов хмыкнул.

– А где нас любят? – после некоторой паузы поинтересовался он.

– Тоже верно, – кивнул спецназовец.

– Пойду я. К своим!

– Увидимся?

– Не знаю... Тут вроде шанс есть вместе с ранеными на «вертушке» до города.

– Торопись?

– Да пора бы в редакцию. Подвиги описывать. Последний, думаю, очерк.

– Домой, что ли? В Питер?

– Хватит! Напрыгался...

– Письма прихватишь?

– Без проблем. Собирайте. – Виноградов махнул вслед уходящему с площади ротному и посмотрел на часы: – Только не очень...

– Да, верно, мы лучше вот что... – Спецназовец сообразил, что всех своих оповестить не успеет и могут возникнуть обиды. – Мы вот что... Постой, я черкану телефоны – отзвонишься прямо по списку, что все нормально, так, мол, и так! Ладно, что я объясняю – ты же битый фраер, придумаешь, чего на уши навешать.

– Сделаем! – заверил Виноградов.

Дышать стало совсем невмоготу – черная копоть, смрадная и тяжелая, горячими волнами перекатывалась через развалины. Село горело, тушить его было некому.

Женщины, сбившиеся в кучу, упрятывали лица в платки, прижимали детей к животам, закрывали их и не говорили ни слова. Мужчины – те, кто пришел уже в себя или не был избит до потери сознания, – сидели на корточках и изредка терли слезящиеся глаза. Они тоже молчали, молчал и конвой – больше дюжины автоматчиков с нашивками внутренних войск на плече.

– Интересно, что они сейчас думают? – вытер щеку ладонью Владимир Александрович. – О нас...

– Хочешь, я прикажу, спросим. Любого, на выбор? – осклабился спецназовец и странно посмотрел на майора.

– Нет, спасибо! Написал?

– Да, готово. – Листок был тетрадный, оборванный, так что свободного от цифр и имен места практически не оставалось.

– А твои где?

– Вон... Домашний, рабочий...

– Слушай, а можно, я тебя в очерк вставлю? Положительно?

Земляк кивнул.

– Ради Аллаха! Но если не понравится... смотри, встречу в Питере – голову оторву. – Он выдержал паузу и добавил: – Шутка!

– Я понял, – серьезно ответил Виноградов. Сложил листок вчетверо и спрятал его в карман.

Из-за руин углового здания выкатился БТР. Лязгая, осадил перед пленными. В пыль, как с коня, соскочил с брони парень в заломленном на ухо грязном краповом берете:

– Здорово, мужики! Принимай еще одного, командир.

Только сейчас Виноградов заметил нечто отдаленно напоминающее человеческое тело: руки, сцепленные канатом, бесформенный шар без лица, клочья черной от крови одежды. Видимо, человека, привязанного за боевой машиной, волокли через все село. И дороги не выбирали...

– Ну вы... вообще! Чего я тут фильтровать буду? – возмутился виноградовский собеседник.

– Он, сучонок, головного моего из «мухи» подпалил, так двое насмерть сразу... Леха и Саня! Потом, пока вы курили, еще бойца зацепил, слава Богу, затвор перекошило. – «Краповый» не то чтобы оправдывался, он просто докладывал, что к чему.

– Что, сразу на месте кончить не могли? Гуманисты...

– Сам ты... – хотел обидеться здоровяк, но плеснула над ухом короткая очередь: – Стоять! Стоять, сука!

– На землю! Мать вашу...

– Бля, я кому сказал!

Теперь уже врезал из автомата спецназовец – над самыми головами.

– Назад! Не двигаться!

Виноградов не мог толком видеть, что происходит, – колеса и крашенный бок бронетранспортера загораживали обзор. Он только понял, что женщины, разглядевшие то, что осталось от их односельчанина, бросились, смяв оцепление автоматчиков, к телу...

– Муд-дак! – сплюнул под ноги «краповому» подполковник с крылатым грифоном на черной нашивке. – Мальчишка...

Появился он уже после того, как на площади был восстановлен относительный порядок: все трупы – два женских, мужской и ребенка лет четырех – удалось загрузить и отправить с оказией до мечети, задержанных отфилтровали и спрятали в более-менее огороженное пространство, а остальные, кто мог, рассеялись сами – спасать догорающее имущество и собственные жизни. Раненого солдата внутренних войск перевязали на месте и пообещали сгноить в дисбате, если кому-нибудь когда-нибудь...

Здоровенный разведчик стоял перед старшим по званию, виновато вздыхая и вглядываясь в разбитые носилки десантных ботинок.

– А чего? Так получилось...

– Молчи уж! Головорез.

– А чего? Он же Леху! И Саню... Ранил потом одного...

– Пошел отсюда – бе-е-гом! Чтоб я тебя не видел до возвращения.

Разобравшись со вверенным личным составом, подполковник решил побеседовать с собровцем. Подошел к крылечку, жестом разрешил не вставать.

– Ну? Что скажете?

Недавний собеседник Виноградова пожал плечами:

– Бывает... Мудак, одно слово.

– Ну вы же понимаете...

– Понимаю. – Что такое терять сослуживцев, офицер специального отряда быстрого реагирования РУОП знал. Поэтому успокоил: – Я ничего не видел. Бумаги я составлял. На соседней улице.

– Спасибо! – с чувством пожал ему руку подполковник. – А то сам знаешь, пацаны еще... А тот мент, который сейчас на грузовике уехал?

– Корреспондент, что ли?

– Кто-о-о?

Спецназовец сделал лицо идиота:

– Журналист. В газету пишет!

И только когда поток яростного, невыносимого конкретного казарменного мата немножечко поутих, насладившийся зрелищем собровец констатировал:

– Да не волнуйтесь вы так. Не стоит! Этот парень в таком же дерьме. Как мы все – по уши... Он не опасен.

Глава вторая

Сегодня апаши предпочитают служить в полиции, а профессиональные воры – издавать газеты и заниматься политикой. Убивают и грабят только новички, провинциалы да мальчишки, получившие венерическую болезнь.

А. Толстой

Гиперболоид инженера Гарина, 1926

Кто в Питере не знает Евгения Наумовича?

Да никто не знает... толком.

Живет себе средней руки бизнесмен, производственник, седоватый, чуть старше пятидесяти. С бородою, похож на врача-дерматолога и как истинно русский еврей всем напиткам предпочитает водочку, которую редко когда откажется употребить – в хорошей, разумеется, компании.

А компания у Евгения Наумовича исключительно хорошая. Хотя и несколько пестроватая...

Виноградов сам, собственными ушами слышал, как с днем рождения поздравлял его нынешний заместитель начальника ГУВД, и даже не слишком удивился, столкнувшись прошлой осенью в дверях с самим Мишей Чехом – вторым лицом «поволжских», традиционно-злодейским персонажем криминальной хроники.

Вид у Миши был виноватый, но благодарный – как у двоечника, счастливо миновавшего директорский кабинет родной школы.

При всем при том Евгений Наумович никаким «авторитетом», «крестным отцом» или даже «смотрящим» не являлся – он даже не сидел ни разу. И в органах не служил, и в Смольном не трудился...

Просто он умел дружить. И знал, с кем это делать.

Иногда у Виноградова создавалось впечатление, что ни одно мало-мальски значимое событие в северной столице без ведома и благословения Евгения Наумовича произойти не может.

Вот и сейчас, поздоровавшись и жестом указав на свободный от верхней одежды и мятых коробок стул, он вернулся к прерванному телефонному разговору:

– Спасибо, голубчик... Спасибо. Ува-ажили. Кстати! Перезвоните Анатолию Александровичу, вопрос с вашим переизбранием решен – положительно... Нет, что вы! Вам спасибо за самоотверженность. Чем больше у нас будет порядочных, достойных законодателей, тем... До свидания, всего доброго. Звоните!

Хозяин положил трубку, что-то пометил в копеечном календаре и подмигнул Виноградову:

– За рулем?

– Нет! – с готовностью отрапортовал Владимир Александрович: знакомы они были не первый год.

Евгений Наумович покопался где-то под столом, вытащил емкость с наклейкой:

– Стопки достань, Володенька.

– По чуть-чуть?

– Конечно! Тяжелый день...

Бухгалтер ушла в магазины, водитель что-то куда-то повез на раздолбанном «каблучке» – они сидели одни в конторе на Комсомольской. По проспекту катили троллейбусы, противная морось загадила окна. Весна...

– С возвращением!

– Спасибо, Наумыч. Будь здоров!

Выпили. Выдохнули.

Вслед за гостем хозяин потянулся к тарелке с нарезанными огурцами, но вместо закуски схватился за трубку ожившего телефонного аппарата:

– Да, слушаю вас?

Что говорили на том конце линии, было не слышно, но на всякий случай воспитанный Виноградов жестом показал сначала на себя, потом на дверь – мол, может, выйти?

Евгений Наумович отрицательно покачал головой.

– Та-ак... та-ак... Ладно! Все-таки не рекомендую... Помилуйте, голубчик, – кто же запретит? Пресса у нас свободная... И вам того же! Привет семье. До встречи!

Он положил трубку на рычаг, потом с недоверием посмотрел на притаившийся до самого неподходящего момента аппарат. Решившись, просто выдернул из розетки вилку.

– Не дадут ведь пообщаться! Считаю, что у меня обеденный перерыв... Имею право?

– Без сомнения!

Евгений Наумович потрясающе умел слушать. Под остатки «Смирновской» и сборную закуску, включавшую в себя причудливый ассортимент из остатков свинины, сырка, огурцов и конфет, Виноградов поведал про командировку. Рассказ получился веселый и несколько тенденциозный.

Чуть-чуть выбивалось из общей тональности описание последних кавказских дней...

– Я слышал, что местные опознали двоих, которых в первый вечер на трассе медвежьих кончили... Якобы они были вместе с теми, которые в село пришли, ночевали.

– А остальные?

– С концами. Видимо, двое работали на отвлечение, шум устроили. А Батенин со своими в это время начальство перестрелял. В принципе, если бы они на нас с капитаном случайно не наварались – ушли бы спокойненько куда хотели.

– В село?

– Нет, вряд ли... Что им там делать?

Евгений Наумович пожал плечами. Он был человеком сугубо штатским, даже охотничий карабин держал дома только для демонстрации гостям. И на случай погромов.

– Ты про Батю кому-нибудь рассказывал? – почти трезво глянул он на Владимира Александровича.

– Здесь? Нет пока.

– И не надо, не торопись. Может, обознался?

– Да? Вряд ли... – Виноградов подцепил двумя пальцами и отправил в рот ломтик жира. Вытерся о газету.

– Подожди! Ты в отпуске сейчас?

– Как положено! Очередной плюс по приказу, за командировку.

– Ладно...

Отношения у собеседников были давние, возникшие случайно и переросшие из простой взаимной симпатии в нечто похожее на бескорыстную дружбу. Конечно, несколько раз им приходилось друг другу помогать, в этом отношении счет был примерно равным, но... Евгений Наумович был по-человечески интересен Виноградову, а тот, в свою очередь, почему-то прочил Владимиру Александровичу скорую карьеру милицейского генерала.

– Алле? – Вилка уже была воткнута на место, и набранный хозяином номер ожил после пары длинных гудков, – Алле! Виктора Аркадьевича, пожалуйста... Скажите – Евгений Наумович беспокоит.

Коротая паузу, хозяин прокуренным пальцем scomандовал гостю налить по последней.

– Виктор Аркадьевич? Здравствуйте, голубчик! Как служится? Брюки с лампасами скоро?... Да у меня нормально все, как обычно. Визитки готовы, можешь сам подъехать

или пришли кого... Нет, насчет гаража я пока не решился. Подожди до пятнадцатого. Кстати! Вы там, в РУОПе, все знаете... Ой, не кокетничай, Витя! Слушай, есть такой бандит, фамилия – Батенин, кличка – Батя. Знаешь?.. Зна-аешь!.. Да нет, не беспокоит – просто очень нужно... Что-о? Неужели? А как?.. Да-а! Учте-ем... Слушай, подкинь адресочек... Витя! Значит – надо... Жду!

Евгений Наумович покосился на Виноградова и сделал загадочное лицо. Тот в свою очередь уважительно покивал слегка отяжелевшей головой.

– Ага... Понял. – Хозяин размашисто черкнул несколько букв и цифр на обрывке календаря. – Спасибо!.. Да ну, о чем ты говоришь... Когда мне нужны были проблемы?.. Все, до встречи! Насчет визиток не забудь. Пока...

– Очень хороший парень полковник. Я вас потом познакомлю! – прокомментировал Евгений Наумович.

– Спасибо, мы встречались, – хмыкнул гость, припоминая допрос по «чековому» делу. Это было давно... но было.

– А я помню! Но времена меняются...

Они выпили – за всеобщее взаимопонимание.

– Так вот. Ты насчет этого Бати – точно уверен?

– Вроде бы... – События той кавказской ночи казались теперь Виноградову вовсе не такими уж абсолютными.

– Знаешь, этот парень действительно погиб. Недавно, говорят, на Северном хоронили.

– Ну так! Тело привезли?

– Видимо... Так что молчи лучше. В тряпочку.

– Наумыч! А кто мне что предъявит? Все по-честному...

– Это ты просто выпил... Какие теперь понятия! Одни отморозки кругом. Поколение наше вымрет – что со страной будет? Куда покатимся?

Помолчали расстроено о судьбах Отечества. Ничего удивительного, каждый был патриотом – по-своему.

– Так что – забудь!

– Попытаюсь...

– Как у тебя... материально? Ты, если что, не стесняйся! – Обычно это означало, что аудиенция окончена.

– Спасибо, Наумыч! Учту. Собираться пора... Хорошо посидели. Может, я еще сбегаю? И насчет закуски?

Вопрос был провокационный, но после инфаркта хозяин старался не употреблять:

– Нет, Володенька. В другой раз. Работать надо, сейчас люди потянутся...

– Ладно, звоните, если что. – Владимир Александрович надел куртку.

– Подбросить до метро? Вон Аркаша как раз подъехал.

В другой раз Виноградов обязательно бы воспользовался услугами конторского водителя, но теперь отказался:

– Спасибо, нет. Мне тут в одно место надо...

– Ну тогда – счастливо!

– До свидания.

* * *

Православный собор – пышный, с золотом куполов и одновременно по-военному строгий – напоминал иногда Владимиру Александровичу елизаветинского гренадера в парадной форме. Казалось, к нему не пристают грязь и слякоть противного питерского апреля, и даже нищие перед входом не портили общего впечатления. Порывшись, Виноградов отдал

им мелочь и в нерешительности перекрестился на полуоткрытые двери – захотелось зайти, но от выпитой водки душа притомилась, и появляться в храме в таком состоянии было нелепо, грешно да и попросту неприлично.

«В другой раз, – подумал Владимир Александрович. – Завтра...»

Мало кто знал, что последние несколько лет Виноградов старался хотя бы раз в неделю, но в церковь попасть. Пусть ненадолго, на четверть часа, но... Рано или поздно к этому приходит каждый, должен прийти.

Многие просто не успевают.

...Но уж так вышло, что на следующее утро Виноградов оказался не в церкви, а как раз наоборот – в форменном борделе.

Собственно, все началось с торопливой поездки на испуганном частнике – с Петроградской домой, в Веселый поселок. И с не очень отчетливого вопроса дремавшего рядом, на заднем сиденье Мишки – нет ли у Саныча желания подхалтурить? Без криминала, по своей, милицейской части? Благо, свободного времени теперь достаточно, а семью кормить надо...

Справедливости ради нужно отметить, что перед этим был полный, как это называют американцы и классик-писатель Рекшан, «блэк аут». То есть, по-нашему, – отключка, вырубон или улет, вызванные извечной российской попыткой сочетать алкогольные эксперименты с процедурами по общему оздоровлению организма.

Сауна – это великолепно! Почти так же великолепно, как русская парная... В сауне, порождении западного менталитета, чисто, гигиенично, светло и... достаточно скучно. Хочется называть соседей на «вы» и в пределах разумного употреблять охлажденное пиво «Золото Лапландии».

Совсем не то – в парилочке да с веничком! Да под водочку... Когда дым коромыслом, мат-перемат пополам со стенами, пахнет березой и всеобщим братством. Когда не засидишься, и будь ты хоть четырежды генерал или доктор наук – беспощадно наказан будешь за слабость и малейшее нарушение неписаного банного кодекса.

«Динамовская» компания Владимира Александровича была если и не абсолютно русской, то уж на сто процентов русскоязычной. В этом убедился бы любой филолог, случайно подслушавший реплики, доносящиеся из предбанника, – но воспроизвести их в силу непечатности, наверное, не решился бы.

В выражениях не стеснялись – некого, одни мужики. Женщины, конечно, изредка появлялись, но наличие их не приветствовалось, даже самых доступных...

А Виноградов пришел в самый раз – ко второму заходу: народ уже раскраснелся, вышел первым потом и теперь обстоятельно погружался в гармонию. Владимир Александрович мог, конечно, добраться и раньше, но решил от конторы Наумыча прогуляться своими ногами – благо, быстрого хода было минут двадцать. Так и вышло... Да, провианта, как всегда, оказалось значительно меньше, чем выпивки, поэтому прикупленные Виноградовым по дороге сосиски оказались желанной добавкой к потрепанному рациону.

– О-о, Саныч! Здорово, братан.

– Привет, проходи.

– А почему на футбол не явился?

– Налейте ему стакан, чего набросились? Во-олки...

– Вон, стакан свободный. Я только чуть отхлебнул, но у меня справка имеется!

– Спасибо, мужики, я сначала заходик сделаю, – одолел искушение Виноградов и торопливо шмыгнул в раздевалку.

Через минуту он шлепал уже резиновыми тапками по кафелю, выбирал себе доску почище и, прежде чем оказаться в парилке, подныривал под холодные, острые струи душа.

Мимоходом дотронувшись пальцами до воды в бассейне, Владимир Александрович охнул и посоветовал себе на сегодня воздержаться. Все-таки почти двухмесячный перерыв...

Заканчивалось мероприятие постепенно. Сначала уехали те, кого вез на своем «Запорожце» Витек из ОМОНа – в Купчино как раз набралось ровно столько, сколько вместила машина. Потом ушел Толик Польских, борец с экономической преступностью, – они вместе с Игорем из Метростроя и тренером-рукопашником по прозвищу Носорог решили провести морально нестойких девчонок из василеостровской общаги. К тому моменту, когда за столом наблюдалось не больше шести человек, часы показывали далеко за полночь, и беседа носила характер отрывистый, громкий, но актуальный.

– Нет, ты знаешь...

– А я ему так и сказал: чурка ты, хотя и капитан!

– Саныч, помнишь, у Вознесенского... – Поэт-спецназовец Барков выждал, когда уровень шума снизится до терпимого, и продекламировал:

...Космическая в нас зараза!
Что Кафка по сравнению с Кавказом?

– Попрошу в приличном доме не выражаться! Правда, Андрюха? – осадил старейшина бани, огромный и налысо выбритый Манус.

– Умные больно! Грамотные... – согласился начальник одного из «убойных» отделений доблестного уголовного розыска, писавший под псевдонимом Пингвинов потрясающие милицейские байки. Был Пингвинов длинный – именно длинный, а не высокий, и худой, как жираф. По обычной своей манере он грозно нахмурился и оттопырил нижнюю губу: непосвященным могло показаться, что сыщик сейчас обидится на что-то и уйдет, утирая скупую мужскую слезу. Вместо этого Пингвинов забрал у соседа бутылку и отмерил присутствующим по последней:

– Пей, друг народа!

– Владимир Александрович! Ты чего – спишь?

– Нет! Пока – нет, – контролируя дикцию, отозвался Виноградов. Он сидел, опираясь на самовар, и пытался воспринимать обращенный к нему монолог журналиста Жени.

Женя появился в бане недавно и теперь цитировал сам себя:

– Знаешь, каждый военный конфликт порождает массу новых политиков, причем преимущественно миротворцев. По моим оценкам, к концу этого тысячелетия население страны будет состоять исключительно из миротворцев, но будет не слишком велико, поскольку военная техника здесь очень хорошего качества.

– Теоретик! Эс-стет-т... – заклеил журналиста Манус.

– А по сути он прав! – не согласился Пингвинов.

– Может, о бабах лучше? – проявил здоровый цинизм подозреваемый в поэтических наклонностях Барков.

– Пойдем помоемся. Напоследок.

– Нет, пора уже ехать...

– Тем более что все уже выжрали! Интеллигенция!

– На «Горьковской» купим... Эй, Саныч! Гутен морген.

– А все нормально! Сейчас, в лучшем виде...

– Мишка, ты его отвезешь?

– Что же делать! Все равно тачку брать. – Михаил Григорьевич Манус перекатил с места на место свои потрясающие бицепсы: – Саны-ыч, ну-ка, ну-ка! Соберись. Надо одеваться.

Виноградов, ведомый друзьями, направился в душ, а не задействованные в реанимационных мероприятиях потихонечку занялись собственным туалетом...

...Определение «форменный» по отношению к предстоящему мероприятию было обусловлено отнюдь не спортивной формой присутствующих. Хотя спортивные, без грамма лишнего жира фигуры имели место быть, особенно у «девочек» и охраны, большинство составляли солидные дядечки в возрасте и дамы без него, но с деньгами. «Форменный» – пришло в голову Виноградову, когда он увидел в дверях особняка пару здоровенных омоновцев зверского вида: все положенные по приказу нашивки, эмблемы, шевроны и бирочки красовались на сером их потрепанном обмундировании и были уместны на нем, как на свадебном платье воронья какашка.

Поблизости, в скверике, прогуливалось еще несколько автоматчиков в полном боевом облачении и примкнувший к ним на своем «Москвиче» в ожидании возможной халявы наряд местной муниципальной милиции.

Так что с формой все было в порядке. Что же касается содержания... Определяемое слово заменить чем-то другим представлялось затруднительным, но организаторы презентации постарались. То, что сейчас торжественно запускалось в эксплуатацию, обзывалось в рекламных буклетах «Элитным салоном эротического и нетрадиционного массажа». Учредителями значили себя один из комитетов мэрии, несколько частных лиц и тайландская фирма.

Охрану и, как догадывался Владимир Александрович, негласную «крышу» заведению обеспечивал Манус со своими головорезами. Ребят в погонах пригласили для солидности, да и вообще – на всякий случай.

Благо, это оказалось не слишком дорогим удовольствием, почасовая расценка проститутки значительно выше.

– Здорово! Как ты?

– В кондиции. Проснулся, правда, – вообще жить не хотел.

– Да, отличились вчера... – Миша встретил Виноградова в вестибюле: в глазах приятеля явственно читалось желание вспомнить, пригласил он Владимира Александровича в качестве личного гостя или чтоб дать ему подзаработать.

– Какие указания? – развеял сомнения Мануса деликатный майор. К обоюдному удовольствию, это значило, что пить на дармовщинку и хватать за задницы девок Виноградов не будет, но за время, проведенное вдали от семьи, получит определенную сумму со статьи расходов на безопасность.

– Ты готов?

– Иначе бы не пришел. – По счастью, мероприятия подобного рода начинаются обычно несколько позже детских утренников, поэтому Владимир Александрович успел не только отоспаться, но и съездил до Главка, оформил себе отпускные. Теперь о походе в баню напоминали только некоторая припухлость глаз и пессимистическая точка зрения на данную в ощущения реальность.

– Как Татьяна?

– Не спрашивай, – отмахнулся Виноградов. – Стыдно!

Обычно после возвращения с очередной войны семья смотрела на художества героя-кормильца с пониманием. Но на этот раз имел место некоторый перебор.

– Ты с оружием?

– Откуда! – удивился Владимир Александрович. – Сдал, я же в отпуске.

– Понял... Только не говори никому, а то я тут имею определенные обязательства насчет охраны.

– Нет проблем! Задачу усвоил: изображать детектива в штатском с большим пистолетом под мышкой.

– Ну, Саньч... – хохотнул Михаил. Вид у Виноградова был и вправду подходящий: костюм, стрижка... Упрощенный вариант Кевина Костнера, только негритянки не хватает. – На, прицепи!

Майор принял у Минуса пластиковую табличку с надписью «ОХРАНА-СЕКЬЮРИТИ», только что украшавшую борцовскую грудь приятеля, и прицепил ее себе на кармашек:

– Рад стараться!

Они, конечно, дурачились, но некоторая неловкость ощущалась.

– Будешь в резерве. Рацию получи в сто второй комнате, там Димка, он тебя знает...

Все, пора!

Виноградов пошел оснащаться и получать позывной, а когда вернулся – гости валили уже бурным потоком.

Многих, очень многих – если не всех – Владимир Александрович знал. Кого-то когда-то сажал, с кем-то пил, на кого-то работал, а остальных по меньшей мере видел по телевизору или в сводках наружного наблюдения. Исключение составляли, пожалуй, только тайцы, да и то по причине их полной неразличимости для среднерусского глаза.

Вон прошел, поздоровавшись, лидер «поволжских», недавно отпущенный под подписку. Следствие на днях сняло с него обвинение в бандитизме, поэтому очередной, третий срок, даже если дело дойдет до суда, предстоял символический. Седовласая дама, гроза Городского собрания и без пяти минут вице-мэр, покуривала у колонны с господином из Центробанка. Режиссер-кинокритик с известной фамилией прибыл из столицы в сиреновом пиджаке и с огромными полномочиями – все знали, что представляет он здесь сексуально угнетенные меньшинства, поэтому предпочитали только вежливо улыбаться.

Поднимаясь по лестнице, Виноградов улыбнулся шефу одной из силовых структур города, моложавому и отменно фотогеничному генералу Орловченко и сопровождавшему его истребителю коммерсантов Максиму Гудковичу. Владимир Александрович констатировал, что слухи об очередной опале начальника самого грозного отдела в их ведомстве не оправдались...

– Позвольте?

– Да, пожалуйста! – Виноградов почтительно пропустил к фонтанчику с рыбками кряжистого мужичка с неприметным лицом и уверенным голосом сильного человека. Поговаривали, что это – вор в законе, «смотрящий» по Питеру, что по их иерархии приблизительно соответствовало генерал-губернатору.

Ожидался и другой «смотрящий», официальный – представитель президента в северо-западном субъекте Федерации, но его почему-то все не было, и решили начинать. Грянул оркестр, и приглашенные устремились к столикам: несколько видных актеров, директор завода, бандиты с супругами, депутаты, пресса, начальник РУВД почему-то в парадном полковничьем кителе...

Все вели себя интеллигентно – никто не толкался и почти не чавкал.

– О, Владимир Александрович! Вы ли это?

– Да, очевидно.

– Все такой же... – Виноградов помнил, что девицу зовут Юлька, лет ей сейчас немногим за двадцать, а когда он оформлял на бедняжку протоколы за проституцию в порту, ей было и того меньше, лет шестнадцать. Выглядела Юлька классно – ноги, бюст... Майор не слишком разбирался в женских платьях и прическах, но и то и другое, безусловно, стоило чертову уйму денег.

В отличие от Виноградова, она таблички на груди не имела, поэтому опознать Юлькин статус представлялось весьма затруднительным – то ли чья-то жена-подруга, то ли преуспевающая бизнес-вумен, то ли...

– Охраняете нас?

– Приходится. А какими судьбами?.. – Владимир Александрович попытался грамматически и интонационно построить вопрос так, чтобы обойтись без «вы», но в крайнем случае избежать неприятностей.

– Работа! – закатила глаза Юлия. – Эротический массаж.

– Да ну?

– Честное слово! Курсы закончила, сертификат есть... А вы все в милиции?

– В ней, в родимой, – решил не вдаваться в подробности Виноградов.

– Бе-едненький, – пожалела дипломированная и перестроившаяся проститутка. – Заходите! Просто, по старой памяти... Обслужу в порядке шефской помощи, хотя нам и запрещают.

На счастье Владимира Александровича, рация вызвала его к выходу – официальная часть мероприятия заканчивалась, и солидные гости, блюдя репутацию, направлялись догуливать куда-нибудь подальше от посторонних ушей и телекамер.

– Спасибо. Буду иметь в виду. Пардон!

– Всего доброго, служите дальше...

Подождав, пока толпа внизу рассосется, майор вернулся в зал – там оставались либо самые отчаянные любители экзотики, либо те, кому о своей репутации заботиться уже не имело смысла.

Второе, неформальное отделение шоу проходило в теплой, почти семейной обстановке. Сначала маленькая, смуглая профессионалка продемонстрировала чудеса древнейшего из эротических искусств на довольно меланхолическом блондине. Оба были голые, пахли пряностями и поначалу мерзли. Затем, под поощрительные хлопки зрителей, цыганского вида хлопец потрудился руками, ногами, а также целым рядом других частей тела над сладко постанывающей партнершей. Их сменила парочка губастых и языкастых подружек...

Завершилось действие на бис – пулянием теннисными мячами в цель из совсем уже непотребного места.

– Ну как, Саныч? Пойдем примем «Абсолютика». – Манус возник за спиной Виноградова, похожий на северного медведя, но более злой и веселый.

– Я же на работе, – напомнил Владимир Александрович.

– Плевать! Считай, уже закончили.

– Как скажешь, – отстегнул Виноградов табличку, – а как насчет?.. Чтоб не забыть.

– Мудрая мысль! – Приятель достал из кармана заранее приготовленные купюры и отдал их Владимиру Александровичу. – Пошли?

– Побежали! – поправил довольный Виноградов. Неловкость между ними исчезла: ерунда, что такого, раньше один другого выручал, случалось, теперь – такая полоса... – Спасибо! Сочтемся.

– О чем ты говоришь?

Через минуту оба уже заходили в так называемую малую гостиную. Небольшое по сравнению с залом, с интерьером в стиле барокко и великолепной акустикой, это помещение сегодня использовалось для особо избранных приглашенных, утомленных и сутолокой, и обжорством, и голыми существами. Раньше, в начале века, владевшие особняком князя Голицыны-Ростовские устраивали здесь концерты заезжих знаменитостей, но уже начиная с понедельника в малой гостиной клиенты будут соответствующим образом настраиваться, прежде чем пройти дальше, в отдельные кабинеты. Если верить обещаниям управляющего, для обеспечения психологического комфорта посетителям с двадцати до полуночи будет играть струнный квартет лауреатов. Предполагались также выступления заезжих и местных мастеров разговорного жанра, вокал и встречи с кандидатами в депутаты.

Говорят, это очень влияет на потенцию...

– О, это мы вас удачно застали! – потряс набитой о физиономии, мешки и макивары клешней Михаил.

– Какие люди! И без охра-аны...

Прислуга уже погасила светильники, оставив только дежурную люстру. Если не принимать во внимание вышколенных, без единого лишнего звука снующих между столиками официантов, в гостиной Виноградова с приятелем дожидались только двое: Саша Следков и мужчина значительно старше, в кремовой тройке и черной рубашке с расстегнутым воротом.

– Эй! Это не убирай пока. – Следков размашистым, барственным жестом обвел прилегающее пространство стола. Отсеченными от процесса наведения порядка оказались несколько початых бутылок, два блюда с бутербродами и куски ананаса в хрустальном вместилище.

– Слушаюс-с-сь... – отреагировал официант и переключился на новый участок работы.

– Я думал, вы уже смотались, – деловито плеснул водки себе и Владимиру Александровичу Мишка Манус. – Дай-ка мне вот этого вот... с рыбкой!

– Ну извини. – Следков развел руками шутливо и протянул виноградовскому приятелю сразу целую тарелку: – Закусывай, мы – уже.

– Но пить-то будете?

– Отчего же? Конечно!

– Да! – спохватился уже примерившийся было к стопке Манус. – Вас ведь знакомить не надо?

– Ну... – пожал плечами Владимир Александрович.

Самого Следкова, основателя и вождя крупнейшей в регионе охранной ассоциации «Заслон», Виноградов знал еще старшиной милицейского спецназа. Друзьями близкими они не были, но несколько раз жизнь предоставляла то одному, то другому возможность обменяться услугами – подчас достаточно деликатными и требовавшими безусловного взаимного доверия. Соратники называли Следкова Папа, посторонние – Железный Винни-Пух, за внешнюю неуклюжесть и уникальные бойцовские качества. Впрочем, второе прозвище вороватые журналисты в последнее время приклеили к Егору Гайдару, и из местного обихода оно почти вышло.

Следковского собеседника Владимир Александрович раньше не встречал. Манерой одеваться и аксессуарами – массивная золотая цепь на шее и перстни, то ли два, то ли три – мужчина напоминал классический образ итальянского мафиози. Усиливалось это впечатление южным разрезом достаточно близко посаженных глаз и профилем, характерным для тех мест, откуда недавно вернулся Виноградов. Несколько нарушая шаблон, выделялись две резко прочерченные носогубные впадины, встречающиеся на лицах вечно голодных фанатиков, одержимых какой-нибудь национально-религиозной идеей.

– Папу ты знаешь прекрасно, а это... – Михаил в затруднении посмотрел на Следкова.

– Полковник! – опережая, протянул руку мужчина и двинул в коротком поклоне затылком.

Вот так, всего-навсего: воинская кличка? блатное звание? Может, и то и другое. Что же, каждый представляется так, как сочтет нужным.

– Виноградов! – пожал протянутую руку Владимир Александрович.

– Как же, слышал. Очень приятно! – То ли это была форма вежливости, то ли действительно...

– Ну поехали...

Ощущая разлившееся по желудку тепло, майор обратил внимание, что, за исключением Мануса, все поднимавшие полные стопки не то чтобы просто пригубили – нет, сделали

по добросовестному глотку, умеренно и без жадности. Так что оставалось еще по крайней мере на пару тостов. Сам он не допил по причине вчерашнего алкогольного эксцесса, Папа дружил со спортом и не злоупотреблял, а некто назвавшийся Полковником, очевидно, следовал законам шариата, осуждавшим пьянство.

Один Мишка, любящий жизнь во всех ее проявлениях, дело довел до конца, смачно выдохнул и заработал челюстями.

– Чего мрачные такие?

– Да вот, Батенина поминали.

– Кого? – Владимиру Александровичу показалось, что он ослышался. Это случается, если имеешь где-то в глубине, на уровне подсознания, постоянный очаг тревоги.

– Ну – Батю, Батенина... ты ведь знал его вроде? – Следков нахмурился, припоминая.

Виноградов покосился на переставшего даже жевать приятеля и определил:

– Он чего – помер?

– Погиб! Недавно...

– Убили? – Холодок в груди поднимался, рос, вынуждая нестись напролом, навстречу опасности.

– Нет. Автокатастрофа... Разбился на Кипре.

– Где-е?

– На Кипре. Поехал по путевке, там взял машину в аренду. И – насмерть!

– Саныч, а ты мне другое рассказывал... – Приятель Миша покончил-таки с приемом пищи и захотел получить причитающуюся ему толику общественного внимания. – Помнишь, вчера?

– Не, не помню! – попытался уйти с воображаемой линии атаки Виноградов. – Чего только спяну не...

– Как же? Насчет перестрелки! Знаете, мужики, Саныч такую историю выдал – якобы лично сам Батенина...

– Миша, налей лучше!

– Это конечно, но я, скажу прямо, чуть не поверил. – Чувствительности и деликатности у Мануса было как у носорога. Расплескивая по стопкам сорокаградусную жидкость, он даже не удосужился глянуть в отчаянно злые глаза Виноградова: – И ведь клялся-божился, что чистая правда!

– Ладно, проехали. – Владимир Александрович пытался найти повод, чтобы перевести разговор на что-нибудь другое, но на ум ничего не приходило.

Неожиданно на помощь пришел Следков:

– Давайте, за помин души! Не чокаясь...

Снова пригубили, но теперь Виноградов физически и неотступно ощущал на себе тяжелый, задумчивый взгляд Полковника. Неожиданно вскинув глаза, он увидел, однако, что тот смотрит вовсе не на собеседников – мимо, в служебное помещение прошествовала одна из «массажисток», и собеседник по-восточному зацокал языком, провожая ее поворотом головы.

Выпив теперь уже до дна, Владимир Александрович закусил ананасной долькой и вежливо рассмеялся какой-то очередной Мишкиной похабени.

Ощущение беззаботности, однако, не вернулось...

– Господа! Мы заканчиваем.

– Вот, мать его...

– Михаил Григорьевич?

– Да нет, все в порядке. – Виноградовский приятель похлопал по белоснежному плечу метрдотеля. Двубортная тужурка делала старика похожим на штурмана заграничного плавания. – Вылетаемся, дед.

– Пойду верну рацию. Всего доброго! – откланялся Владимир Александрович. – Миша, можно тебя на минутку?

– А ты куда, Саныч? Могу подбросить, я с шофером, – естественно предложил Следков.

– Нет, спасибо. Мне еще кое-какие проблемы надо...

– Счастливого пути, – протянул руку Полковник. – До встречи!

Не по голосу даже, не по словам – по выражению глаз Виноградов безошибочно угадал, что встретятся они вновь очень скоро. И хорошего в этом будет не много.

* * *

– Нет, но ты хоть можешь объяснить, зачем тебе все это?

– Я же сказал.

– Ничего ты толком не сказал!

– Не злись...

– Ладно. Выключи кофеварку, а то пробки повышибает. – Профессор что-то еще неразборчиво просопел под нос и вернулся к экрану компьютера.

– Тебе наливать? – Владимир Александрович поискал под столом и на ощупь извлек банку «плантейшена», сахар кусочками и засохшую в чем-то коричневом ложку.

– Покрепче, как всегда.

– А чашки? – задумался было Виноградов, но, не дождавшись ответа, обнаружил на подоконнике разнокалиберные остатки нескольких сервизов. – Готово!

С тех пор как Профессор окончательно и бесповоротно бросил пить, у входящих к нему обязательно возникала проблема: что нести с собой? Раньше все просто было – коньяк, винишко красное... А теперь? Денег за консультации со своих Профессор не брал, что создавало дополнительные трудности.

В этот раз Виноградов принес шикарный, немислимой свежести торт – говорят, сладкое, а в особенности шоколад и суфле, стимулирует мозговую активность. Правда, жена, увидевшая, с чем собирается из дому Владимир Александрович, выразила некоторые сомнения по поводу того, куда направляется супруг, – но ограничилась только просьбой «передать ей привет» и по возможности предохраняться.

Профессор был умный, высокий и толстый. Точнее, даже не то чтобы толстый – а так, рыхловатый, подобно большинству кабинетных работников. Он носил дорогие очки, много курил и представлял собой интеллектуальное крыло виноградовских друзей и приятелей – в отличие от Мишки Мануса, представлявшего крыло силовое. Прозвище свое и репутацию Профессор оберегал и жестоко обиделся, прочитав у известного московского писателя-детективщика о своем «тезке», мозговом центре преступного мира столицы.

Настоящий Профессор преступников не консультировал. Принципиально! И не потому, что служил в милиции, – сам по себе этот факт никогда и никого от предательства не останавливал. Тем более что звание он имел невысокое, и соответствующий оклад составлял далеко не самую главную статью доходной части его бюджета.

Нет, просто Профессор не любил жуликов. А также воров. И бандитов! Не любил, и мог себе это позволить.

Блестящий аналитик с двумя высшими образованиями – юридическим и техническим – он вызывал вполне естественную неприязнь коллег и начальства. Но терпели... Потому что хотя бы изредка требовалось отчитываться перед Москвой и Главком о чем-то более значимом, чем пьяный «бытовик», зарубивший жену, или кладовщица, списавшая «налево» казенный телевизор.

Тогда, подымив пару дней над компьютером, сделав пару звонков и ударив по сердцу очередной цистерной кофеина, Профессор выдавал «на-гора» полновесную раскладку

по очередной группе – в зависимости от социального заказа и личных пристрастий руководителя это могла быть повязанная с мэрией компания контрабандистов-«медников» или вооруженная банда, разграбившая перед Днем милиции базу снабжения Ювелирторга.

Распечатывал он и рекомендации, как лучше эту информацию реализовать, – но отклика обычно не находил, и все заканчивалось громко и топорно: кого-то хватали, кто-то что-то успевал отправить неизвестно куда, адвокаты оказывались расторопнее оперов, выпущенный из поля зрения свидетель всплывал неожиданно где-нибудь в Финском заливе.

Профессор вздыхал, забивал свежими данными еще пару файлов и до следующего аврала целиком предавался любимому делу: созданию общей концепции безопасного бизнеса. И если теория была понятна только самому автору, то практическое применение некоторых ее аспектов неплохо кормило. Консультирование западных и восточных бизнесменов, правовая поддержка крупнейших сыскных и охранных структур, аналитические справки о надежности предполагаемых партнеров... Сейчас в одной из типографий готовилась к выходу в свет четырехсотстраничная в глянцевом переплете книга «Что не стоит делать в России» – совместный труд Профессора и, в качестве популяризатора, самого Владимира Александровича.

Наибольший доход Профессору приносили рекомендации по использованию недостатков существующего законодательства. Кстати, его неоднократно пытались сманить в департамент на 2-ю Советскую, но Профессор отказывался – вежливо и категорично. Он знал в той системе очень многих, и мнения о них был не самого высокого.

– Вот! – Повинуясь нажатию клавиш, принтер зажурчал и выдал на четверть заполненный шрифтом листок, – Имеются три фигуранта по кличке Полковник. Но все, как я понимаю, не те...

– Дай-ка...

Пока Виноградов изучал распечатку, его собеседник извлек из коробки солидных размеров ломоть даже, а не кусок торта, скептически оглядел его и почти целиком сунул в рот. Запив термоядерно крепким кофе, поинтересовался:

– Коньяком не пропитан?

– Нет, я же знаю, – оторвался от текста Владимир Александрович. – Тебе же нельзя!

– Всякие недоразумения случаются, – с некоторой примесью сожаления вздохнул Профессор. – Ну что?

– Да, конечно. Все не то! Или возраст, или...

– Вспомни еще раз, что Следков о нем сказал.

Владимир Александрович наморщил лоб и притих, вспоминая. Папе он позвонил сам на следующий день – хотелось избавиться от «непонятки» или во всяком случае получить дополнительную информацию. В сущности, Виноградов нутром, инстинктивно почувствовал опасность, предпочитал любое, пусть даже опрометчивое действие пассивному ожиданию. Иногда это здорово выручало, иногда – наоборот.

Саша предложение встретиться воспринял без удивления, выкроил для приятеля полчаса «окошко», и вскоре после обеда майор уже сидел на углу Свечного и Лиговки в Папину машину. На особые прелюдии Виноградов времени не тратил, справедливо полагая, что если захочет хозяин «Заслона» чего-нибудь не сказать, то хоть ты Кашпиrowsкого приглашай – не поможет. Оставалось полагаться на Папину порядочность и собственное умение чувствовать, когда собеседник врет.

Следкову, однако, скрывать оказалось нечего – вопросам о Полковнике он не удивился, сразу же подтвердив опасения Владимира Александровича: да, по пути с презентации тот дважды сводил разговор к персоне Виноградова – кто такой, чем живет... Это не то чтобы не понравилось, но как-то не пришлось по душе и вообще в принципе не склонному обсуж-

дать своих приятелей Папе. Поэтому он и ограничился тем, что сообщил: мент, мол, правительный, с. понятиями, пару раз помогал. Халтурит, мол, по мелочи – но без криминала.

– А насчет милиции-то зачем сказал?

– Ну, это я обязан... Сам понимаешь, если знал, что с ментом идет базар, и не предупредил – могут и предъявить!

– Логично. А он что – имеет право? Тебе?

Выяснилось, что Следков этого самого Полковника знает не близко. Якобы появился тот в Питере около полугода назад, с полномочиями то ли от мятежного кавказского президента, то ли, наоборот, от российски ориентированной оппозиции. Последнее, кстати, вероятнее, потому что жил он легально, ни от кого не скрываясь, крутил какие-то денежные «темы» с оружием и нефтепроводами, скупил пару фирм с репутацией и теперь контролировал долю в туристическом бизнесе города. Безопасность Полковника обеспечивали на контрактной основе бойцы из «Заслона», которым, в сущности, было все равно, чье тело охранять, – лишь бы клиент вовремя оплачивал услуги и не забывал про надбавку за риск. Собственно, этим и ограничивалось знакомство Полковника и Папы – подписанием договора за «заслонные» услуги, ежемесячной передачей «черной верхушки», выходящей за рамки указанной по бумагам суммы, а также случайными встречами на мероприятиях, подобных вчерашнему.

– А фамилия? И прочее?

Следков без проблем сообщил и это, а также по памяти и оставшемуся со времен службы в органах профессиональному навыку – год и место рождения. Присовокупив, что «чурка – он и есть чурка, хоть душманская, хоть наша...».

– Как же ты с ним работаешь? Ты же, я помню, рассказывал, что еще с Афгана их только через прицел воспринимаешь?

– А при чем тут это? Бизнес есть бизнес!

– Почему он Полковником называется?

Следков презрительно, на правах человека, заслужившего офицерские звезды под пулями, ответил:

– Говорит, ему звание присвоено. Вроде от госбезопасности... Или, может, Паша Мерседес по пьянке? Хотя, скорее всего, они там, у себя в горах, друг дружке погоны навешивают: за трех баранов – сержанта, за мешок валюты – генерала.

Это было не смешно. И очень походило на правду, как и все, что узнал от Папы Владимир Александрович...

Теперь, излагая содержание разговора Профессору, Виноградов еще раз анализировал мимику, жесты, интонации Саши Следкова:

– Нет, все... Кажется, ничего не забыл.

– Ладно, исходим из того, что приятель твой не врет. Или думает искренне, что не врет... Я попробую навести справки, но не сегодня. Скажем, к среде. Подъезжай к концу дня, я на месте буду. Устроит?

– Наверное, – пожал плечами Владимир Александрович. – Ты особо-то не заморачивайся!

Честно говоря, он по-прежнему не знал, что ответить на вполне закономерно повторенный вопрос – а зачем, собственно? На кой, простите, ляд? Может, Виноградов просто понравился новому знакомому и тот хочет предложить майору необременительный приработок? Вообще, какую такую ужасную пакость может учинить измотанному борьбой за существование менту господин, вращающийся в высших сферах! Даже в качестве объекта вербовки Владимир Александрович давным-давно интереса не представлял.

Но Профессор больше ни о чем не спрашивал. Как добротная ЭВМ, он уже занялся анализом вариантов, просчетом простейших и многоходовых комбинаций – и даже сам Вино-

градов был для него не персонифицирован, а лишь представлял собой важный, но не решающий фактор в игровом пространстве.

Глянув в подернувшиеся влажноватой пленкой глаза Профессора, Владимир Александрович понял, что его дальнейшее присутствие в кабинете по меньшей мере бессмысленно. В тишине опустевшего милицейского этажа Виноградову послышалось, что под шевелюрой хозяина раздается отчетливое электрическое потрескивание.

– А-а-у-у! – помахал он в воздухе пальцем.

– Что еще? – Профессор включил, так сказать, «ближний свет» и принял к сведению посторонний объект.

– Ухожу! Распечатай только по Батенину справку.

– Забирай. – Как правило, виноградовский собеседник свою продукцию на вынос не давал, но сейчас ему требовалось одиночество. Причем побыстрее. – Здесь все, потом порви.

Несколькими точными движениями пальцев он выискал нужный блок, вывел его на экран, отметил и выдал на принтер.

– Всего доброго! До среды.

– Ага, приветик...

Уже в дверях Виноградов услышал рассеянное:

– Будь осторожен...

– Попробую! – Владимир Александрович обернулся даже, не зная, как реагировать на подобное проявление эмоций, но Профессор уже с головою ушел в компьютер – так, что только макушка отсвечивала.

...В троллейбусе, да еще после зимних сюрпризов питерского метрополитена, читать из-за давки если и удавалось, то только некрупного формата книжки. Газеты просматривать из-за их величины и необходимости некоторого простора для перелистывания было затруднительно. Что же касается конфиденциальных документов, то их изучение неизбежно сопровождалось бы естественным любопытством широких масс прилегающих пассажиров.

Поэтому справку о покойнике Виноградов смог прочитать только дома – да и то не сразу, потому что добрался до Веселого поселка в момент, когда семья усаживалась за стол. Покончив с ужином и отправив детей к телевизору, он поинтересовался:

– Кто звонил?

– Много. Человек пять! Я говорила, что будешь к девяти.

– Просили передать что-нибудь?

– Нет, обещали, что перезвонят. Не представлялись, только какой-то Евгений Наумович... Пожилой.

– Да? А он чего? – удивился Виноградов. Это был второй, если не первый раз, когда Наумыч связывался с ним по домашнему телефону.

– Не знаю. Я не спрашивала, но...

– Ладно, Бог с ним! Кому надо – дозвонятся.

Дома было, как всегда, тепло и уютно.

Татьяна добавила чаю. Поговорили о школьных делах дочерей, о том, что сегодня вечером по кабельному, прикинули расходы к праздникам.

– Устал?

– Да, есть немного.

Они жили вместе шестнадцатый год, и у Виноградова с женой давно уже установилось взаимное понимание – не испорченное еще обоюдной скукой, характерной для тысяч и тысяч окружающих семей со стажем.

Владимир Александрович любил возвращаться домой – с охоты, с дежурства, с войны... Это очень важно – когда есть куда и зачем возвращаться.

– Пригласи ребят. Посидите на кухне, а то давно уже...

Да, умная жена – подарок судьбы. Виноградов еще и подумать не успел, а Татьяна озвучила: преферанс – лучший отдых, когда не банный день и охота уже закрыта! Мужская отдушина.

– Давненько не писали пулечку.

– Давай отвлекись, – Она справедливо полагала, что жареную курицу семейный бюджет вытянет, но пусть уж лучше здесь Володя получит чего хочет, чем это предложит ему на стороне какая-нибудь отзывчивая дамочка.

– А если проиграюсь опять?

– А ты когда-нибудь выигрывал? – сделала удивленные глаза жена. Картежная невезучесть Виноградова в их кругу давно уже стала притчей во языцех, подтверждая известную поговорку.

– Ну, зато мне в любви везет!

– Наверное, – пожалала плечами Татьяна и принялась убирать со стола. С ужином несколько припозднились, ждали главу семейства, поэтому пора было готовить детей ко сну, а их вещи – к следующему гимназическому дню. – Газета под телевизором.

– Посмотрю обязательно. Но – потом! – Владимир Александрович вышел из кухни, прихватил по пути свою сумку и уселся за письменный стол под подаренной еще на свадьбу «керосиновой» лампой со стилизованным абажуром.

Собственно, справка по Батенину представляла собой нечто вроде листка по учету кадров, если бы таковые вела организованная преступность. Фамилия, имя, отчество, дата, год, место рождения, вместо партийности – кличка. О предыдущих «местах работы» достаточно скупое: время окончания Рязанского училища, перечень «горячих точек», награды и воинское звание при увольнении в запас. Личностные характеристики, по-бюрократски стандартные, но вполне совпадающие с субъективным мнением Владимира Александровича – Батя был человеком храбрым, инициативным, неплохо организовывал подчиненных бойцов, но портила ему и военную, и криминальную карьеру неуживчивость с руководством, излишняя самоуверенность и склонность к импульсивным авантюрам.

Отдельно указывались связи: в порядке подчиненности, а также по горизонтали, включая дружеские, любовные и партнерские, каковых в общей сложности составителям справки было известно чуть более дюжины. Виноградов знал, что в такого рода документах особой графой выделяют врагов или лиц, потенциально опасных для объекта, но относительно Бати подобной информации не имелось. Это вовсе не означало, что бывший десантник ни у кого не вызывал отрицательных эмоций, нет! Просто степень их не достигла той критической массы, когда ее можно использовать для ликвидации или причинения серьезных неприятностей. Возможно также, что Профессор мог чего-то не вычислить...

– Спокойной ночи, папа!

– Спокойной ночи. – Виноградов подождал, пока за младшей дочерью закроется дверь. Старшая уже который год считала соблюдение семейных традиций для себя не обязательным и сейчас уже валялась в кровати с невымытыми ногами и плеером под подушкой.

Владимир Александрович отметил серьезные провалы в собственной педагогической деятельности и вернулся к справке.

Согласно выданному машиной документу Батя состоял в «теновом», неформальном структурном подразделении ассоциации «Заслон». То, что ребята Следкова наряду с лицензированной охраной и консультационно-правовой деятельностью решали проблемы на грани закона, на уровне «терок» и силовых, вплоть до стрельбы разбирательств, в Питере не знал только тот, кто активно не хотел этого знать.

Плоть от плоти милицейского спецназа, «Заслон», по бандитским понятиям, не мог в полной мере партнерствовать с «братвой» за столом переговоров. По мнению некоторых

ортодоксов криминального мира, даже «лохов разводить на долях было в падлу с ментами», что в переводе на общепотребительный русский означало принципиальную невозможность для порядочных преступников совместно с сотрудниками органов внутренних дел, пусть даже бывшими, пусть даже с обоюдной выгодой, создавать для охраняемых бизнесменов такие ситуации, при которых эти бизнесмены вынуждены производить абсолютно внеплановые и по сути необоснованные выплаты... Уф-ф-ф! Все-таки в жаргоне есть определенная практическая прелесть.

Вот для того, чтобы не задеть щепетильность бандитов, в системе ассоциации и родилась так называемая «ветеранская» группировка из бывших десантников и просто понюхавших пороху офицеров и демобилизованных солдат. Никто из них не запятнал себя ношением серых милицейских погон, поэтому представители многочисленных организованных преступных групп делали вид, что ничего не знают о том, что «ветераны» фактически представляют Следкова. С другой стороны, ассоциация почти с чистой совестью могла сказать, что среди ее сотрудников никто криминалом не занимается, – ни Батя, ни его товарищи по оружию в штате «Заслона» не числились.

Если верить справке, Батя-Батенин довольно быстро прошел славный трудовой путь от рядового вышибалы до руководителя спаянного коллектива в десяток бойцов. В этом году его «бригада» уже контролировала казино в центре города, несколько вино-водочных точек и на процентных с «приволжскими» и «тамаринскими» началах – сеть областных бензоколонок.

Учитывая отсутствие данных в разделе «Враги», серьезных проблем у Батенина ни с подопечными дельцами, ни с представителями сопредельных преступных группировок не отмечалось.

В самом конце, после столбика с данными родителей, дочери полутора лет от роду и жены, а также перечня официальных и неофициальных адресов и телефонов Батенина и используемых им автомобилей значилось: «Погиб: осенью тысяча девятьсот девяносто пятого года в автомобильной катастрофе за границей».

– Да-а! Что написано пером...

– Ты меня? – отозвалась из соседней комнаты жена.

– Нет, просто так... – Еще немного, и Владимир Александрович окончательно поверит, что там, на Кавказе, ему все пригрезилось. Может, оно и к лучшему?

– Иди сюда, скоро начнется. – Татьяна что-то зашивала перед телевизором, и Виноградов с опаской глянул на экран, ожидая увидеть там какую-нибудь очередную Мануэлу или Хосинту.

Однако, судя по титрам, ожидать следовало крутого боевика про полицию – не то Майами, не то Сан-Франциско.

– Сейчас приду! – Владимир Александрович кинулся было к холодильнику за вечерним бутербродом, но в спину ударила трель телефонного звонка. – Кого там?

– Тебя. – Трубка переключалась из рук супруги к Виноградову. Изобразив без труда крайнюю степень досады и получив в ответ сочувственную улыбку, глава семьи отозвался:

– Алле?

– Володенька? Это Евгений Наумович.

– Добрый вечер.

– Извини за поздний звонок... Не оторвал ни от чего?

– Нет, все в порядке, – Виноградов перехватил взгляд жены, пихнул пальцем сначала в экран, потом на себя – мол, расскажешь, в чем суть и кто кого убивает, – и извинился в трубку: – Секундочку, Евгений Наумович...

Вернувшись к столу, он прикрыл дверь, чтобы не мешать Татьяне погружаться в мир Голливуда вместе с ее рукоделием, и возобновил разговор:

- Да, теперь все! Чем могу?
 - Видите ли, Володя... Хотелось бы побеседовать. Не по телефону. Ничего удивительного в этой просьбе не было.
 - Да, конечно. Проблемы?
 - Не то чтобы, но... Может быть, даже – наоборот! – Уверенности в голосе собеседника, однако, было не много.
 - Когда скажете?
 - Ты свободен завтра? С утра?
 - Вообще-то... Желательно – после двенадцати. Терпит?
 - Конечно! Какой разговор.
 - Нет, если надо – я раньше... – Владимир Александрович несколько лукавил, но скорее из вежливости.
 - Нет-нет, нормально... К часу? Заодно и пообедаем?
 - Великолепно! – В контору к Наумычу приходила уникальная повариха, за две сотни долларов плюс стоимость продуктов она так кормила хозяина, его персонал и особо избранных гостей, что одни только запахи могли привести в состояние экстаза простого смертного.
 - Договорились! Значит, завтра в тринадцать... жду. Всего доброго.
 - До свидания!
- Прежде чем присоединиться к Татьяне, Владимир Александрович еще раз просмотрел профессорскую справку, неторопливо разорвал ее на бесчисленное множество бумажных кусочков и зажал в кулак. Посидев так – с тревожным ощущением чего-то непонятно холодного и близкого, он прошел в туалет, бросил то, что осталось от документа, в унитаз и спустил воду.

* * *

Помимо всего прочего, Владимир Александрович учился в университете. Юридический факультет на базе высшего образования, очно-заочное отделение... Студенческие страдания Виноградова начались еще в незапамятные времена, когда заработка милицейского капитана и нескольких удачных халтур вполне хватало не только на жизнь, но и на роскошь в виде платного обучения. Начальство не возражало, Татьяна в очередной раз вычеркнула из списка покупок недостижимую лисью шубу – и он поступил! Потом было жалко бросать, родители помогли материально, и худо-бедно теперь Владимир Александрович почти вплотную приблизился к заветному дипломному финишу.

Требования были, особенно ко взрослым дядям и тетям, достаточно либеральные, хотя, конечно, жестче, чем в учебных заведениях МВД. Поэтому те, кто считал, что для получения «корочек» юриста достаточно просто внести в кассу определенную сумму, отсеялись в самом начале.

Иногда, конечно, везло...

- Тебе что осталось?
- Финансовое право, курсовик по гражданскому процессу и этот вот... спецкурс.
- А у меня последний.
- Завидую!

Так уж получалось, что из-за командировок или какого-нибудь очередного городского аврала Виноградов половину экзаменов сдавал по рапортам, индивидуально – или до, или после срока. Были в этом свои плюсы, свои минусы, но в двоичниках Владимир Александрович не числился.

На этот раз сессию с ним почти одновременно досрочно сдавала симпатичная брюнетка лет двадцати, с улыбочивыми глазами и огромным животом.

– О! Звонок... – сообщил Виноградов и тут же понял, что сморозил глупость. Коридор утонул в металлическом дребезжании, и не услышать его было в принципе невозможно.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила однокашница за информацию, когда звонок прекратился.

Из аудитории на волю выкатился густой поток волосатых, по-детски раскованных и очень неплохо одетых студентов дневного отделения. Это был второй курс, на юристов они походили куда меньше, чем на школьников.

– Ну, тьфу-тьфу-тьфу...

– Пошли...

Виноградов и будущая мама предстали перед собравшимся уже было направиться на кафедру преподавателем. Собственно, об этом симпатичном бородаче оба знали только имя, отчество и что ведет он какой-то замысловатый специальный курс, который в практической работе никогда понадобится не может и введен лишь для общего развития подрастающей молодежи.

– Виталий Аронович!

– Товарищ профессор!

– Я не профессор, – отказался от незаконного повышения в звании бородач, – Чем могу служить?

Представились – сначала однокашница, потом и сам Виноградов.

– Зачет?

– Так точно! – бодро отрапортовал Владимир Александрович.

Преподаватель зачем-то переложил из руки в руку дерматиновую папку, посмотрел сначала на стриженую макушку Владимира Александровича, потом на живот его спутницы:

– Та-ак... О чем же вас спросить?

– А вы нас ни о чем не спрашивайте, Виталий Аронович! Ей рожать через неделю, а я двенадцать лет в милиции проработал... – ударил на жалость Виноградов.

Он вдруг сообразил, что бородач просто-напросто хочет в туалет. Времени мало, а впереди еще целый академический час...

– Хоть что-нибудь по предмету знаете?

– На уровне... представления. В общем и целом.

– Давайте зачетки, – махнул рукой преподаватель.

Возвращающиеся на места с перемены студенты-дневники» завистливо зашелестели: у них бородач имел репутацию зверя.

Проставив где положено автографы, автор спецкурса направился к выходу и уже в коридоре окликнул счастливую парочку:

– Вы все-таки почитайте то, что я на лекциях рекомендовал! Так, для себя...

– Обязательно! Спасибо.

– Да мы читали! – по женской привычке к избыточному вранью присовокупила однокашница.

– Не стыдно! Сама будешь ребенка учить не обманывать... – укорил Виноградов, но в ответ получил только небрежный поворот головы.

– Да ладно... Ты все? Куда сейчас?

– Хотел в деканат, но... – В конце концов, от добра добра не ищут, наглеть не стоило и пытаться поймать еще кого-нибудь с кафедры было бы неприлично. – Ты на колесах?

– Ага. Рвану – на Гражданку, домой.

– До Комсомольской улицы подбросишь? Или до метро?

– Нет проблем!

Внизу, на парковке, она втиснула в узкое пространство между сиденьем и рулем сначала себя, потом живот. Пристроилась поудобнее, завела машину:

– Сейчас поедем.

Салон был под стать автомобилю – такой же новый, ухоженный, чистенький. Марку Виноградов снаружи не разглядел, но это явно было нечто импортное и страшно дорогое: папа будущего ребенка трудился участковым инспектором в звании старшего лейтенанта, недавно приватизировал квартиру напротив Петропавловки и, судя по всему, оказывал услуги жилищной мафии, расселявшей коммуналки в центре города.

Впрочем, не исключено, что коллега просто экономил на еде, питье и ходил только в форме, отказывал семье во всем из любви к заграничным автомобилестроителям...

– Не тяжело тебе за рулем... последнее время?

– Мне сейчас все тяжело, – хмыкнула однокашница. – Не пешком же ходить!

– Тоже верно, – согласился Виноградов, подумав, что, к сожалению, перед большинством соотечественниц проблема выбора не стоит. Они никогда не столкнутся с трудностями управления автомобилем на девятом месяце беременности. Причем не из-за отсутствия в стране беременных, а из-за осязаемого дефицита индивидуальных легковых транспортных средств.

...Почти точно в назначенное время Владимир Александрович уже мыл руки в офисе на Комсомольской.

– Мы вдвоем?

– Дамы поели, – Евгений Наумович имел в виду сотрудниц бухгалтерии, – Водители тоже... Гостей не ожидается! Выпьешь?

– Нет, воздержусь. Сегодня еще надо по делам, в пару местечек. – Виноградов придумал это с ходу, без особой цели, но не ошибся:

– Хорошо! Тогда вон – сок в графине.

Евгений Наумович не настаивал даже формально, и это указывало на предстоящий обоим серьезный разговор.

Салат был из морепродуктов, с лимончиком и какими-то экзотическими добавками.

– Изумительно!

– Положи еще, не стесняйся – тут не в ресторане.

За едой говорили только о пустяках.

После пиалы с ухой и украшенной сложным гарниром каспийской осетрины Виноградов сообразил, что сегодня четверг, рыбный день.

Чем дольше Евгений Наумович выдерживал заполненную чепухой и гастрономическими изысками паузу, тем явственнее давала о себе знать затаившаяся где-то под сердцем гостя тревога – тревога человека, побывавшего в своей жизни и дичью, и хищником.

Вопросительно звякнул телефон. За стенкой, в соседней, «девичьей» комнате подняли трубку и почти сразу же положили на место.

– Я просил не тревожить, пока обедаем. Без крайней необходимости. – Хозяин откинулся в кресле, вытянул из пачки сигарету и, прикрыв от удовольствия глаза, исполнил первую затяжку. – Там параллельный, в бухгалтерии...

Виноградов не курил уже вторую пятилетку, и для него обед закончился. Переставив свою и Наумыча посуду на жостовский поднос, он прикрыл образовавшуюся конструкцию белой салфеткой и счел развлекательную часть визита исчерпанной:

– Зачем вызывали-то? Слушаю.

Прямой вопрос требовал, по идее, прямого ответа. Так, во всяком случае, полагал недоучившийся юрист Виноградов.

– Володенька, голубчик... Помнишь, ты мне про того парня рассказывал, которого... который чуть тебя на Кавказе не убил?

– Помню.

Евгений Наумович славился тем, что всегда мог найти в разговоре формулировку, не задевающую собеседника. Поигрывая интонацией, он продолжил:

– Как его, говоришь, фамилия?

Продемонстрировав паузой явственное нежелание углубляться в тему, Виноградов тем не менее выцедил:

– Батенин.

– По кличке Батя... – уведомил самого себя Евгений Наумович и поинтересовался: – А ты уверен?

– Нет! – почти сразу же отреагировал Виноградов.

– М-да-а... Что же, это естественно, – непонятно за что не то пожалел, не то похвалил хозяин. – Может, выпьешь все-таки?

– Для храбрости?

– Ну что ты! – рассмеялся Евгений Наумович. – Скажешь тоже. Герой Кавказа, боевой майор... Говорят, на тебя представление за последний, «заезд» подготовили – орден, кажется.

– Серьезно? – против воли порозовел Виноградов.

– Точно! Тут из ваших кадров ко мне с просьбой обращались – не важно кто, – так я поинтересовался, попросил взять на контроль, чтоб не замылили.

– Спасибо. – Владимир Александрович не сомневался, что все услышанное правда, такие вопросы на уровне Главка хозяин решал запросто. Он, собственно, и помог в свое время с восстановлением в органах, но... Майор с трудом преодолел неприличное желание поинтересоваться, о каком конкретно ордене идет речь, но сдержал себя – все равно Наумыч, человек сугубо штатский, ничего в правительственных наградах не понимал, – С меня стакан. Огромный!

– Ла-адно! Ты, кстати, в каких «горячих точках» бывал?

– Да во всех практически...

– По службе?

– Где-то по службе, а где-то... Вы же знаете, я рассказывал. – Действительно, Евгений Наумович был в курсе многих наиболее причудливых изгибов жизненного пути Виноградова.

– Да уж. – Хозяин кивнул. – Везде стреляют... Как помнишь, Вишневский писал: «Такое время – страшно за собак!»

Владимир Александрович вежливо улыбнулся в очередной раз – и промолчал. Собеседнику ничего не оставалось, кроме того, чтобы продолжить:

– Отдохнуть не хочешь? Съездить, развеяться?

– В баню? – нарочито невпопад поинтересовался гость.

– Нет, подальше... В теплые края.

– Так я вроде только что вернулся? Горы, юг, море недалеко... Загар только не очень хороший, если в бронжилете. Зато бесплатно да еще командировочные давали!

– Ты на Кипре был? – не обращая внимания на игривый тон Виноградова, продолжил Евгений Наумович.

– Не был, – честно признался майор.

– Хочешь?

– Ну-у... наверное. Лучше, конечно, в Испанию или, скажем, куда-нибудь в Таиланд, но...

– Есть возможность поехать на Кипр. Это тоже неплохо.

– Наумыч! Я же грамотный, газеты читаю... Знаю, что по сравнению с другими местами дешево там, но даже если один билет туда-обратно...

– Платить ничего не надо. Тебе заплатят!

Окончание фразы повисло в насупленной тишине.

– Надеюсь, – попытался перевести разговор в режим легкомысленного трепа Виноградов, – речь идет не о том, что я понравился какому-нибудь легкомысленному педикю?

– Нет, – покачал головой Евгений Наумович.

– Давайте по порядку! – сдался Виноградов. В любом случае хотя бы из благодарности за шикарный обед выслушать хозяина стоило.

– Видишь ли, Володя... Помнишь, я много раз говорил тебе, что бесплатного сыра не бывает?

– Только в мышеловке, – кивнул Виноградов.

– Да-а... – Хозяин шевельнул пальцем только что раздавленный в пепельнице окуроч, вздохнул и достал из пачки новую сигарету. Продолжил: – Я предлагаю тебе нечто, у самого меня вызывающее определенные сомнения. Более того, я даже не вижу причин, по которым ты мог бы согласиться!

– А зачем тогда предлагать? – Евгений Наумович явно пребывал в затруднении, и гость уже даже немного жалел его.

– Просили...

Это прозвучало так, что Владимир Александрович понял: подробностей не будет. Во всяком случае в данный момент.

– Послушайте, Евгений Наумович... А я могу отказаться от разговора? Еще даже не узнав, в чем дело?

– Да!

– А если узнаю – и откажусь?

– Можешь.

– И мне за это ничего не будет? – усомнился Виноградов.

– Это условие я им поставил сразу же. Поручился... Они согласились.

Майор знал, что гарантии Евгения Наумовича стоят недешево. Очевидно, и партнеры его тоже не дети.

– Излагайте!

– Володя, все очень просто, – оживился хозяин. Начав говорить по делу, он вновь обрел обычную, свойственную блатным «авторитетам» и крупным хозяйственникам конкретность: – Необходимо проверить официальную версию гибели Батенина. По полной программе! Естественно, с выездом на место. В расходах можно не ограничиваться, сроки тоже не регламентированы. Билеты, суточные... все, что надо, – за счет клиента.

– Хм-м! А результат?

– Влияет только на размер гонорара. В случае, если тебе удастся доказать, что история с автокатастрофой липа, – получаешь полностью. Если нет – пятьдесят процентов.

– А сколько это?

Евгений Наумович взял листочек и изобразил цифру в долларах:

– Можно попросить увеличить.

Виноградов прокашлялся: сумма была достаточно велика, чтобы заинтересовать, но и космической запредельностью не поражала. Это внушало доверие, так как те, кто обещает золотые горы, как правило, или «кидают» исполнителя, или просто-напросто уверены, что живым он к ним за расчетом не заявится.

– Соблазнительно!

– Решай сам...

– Два вопроса. Первый – почему я?

– Ты где-нибудь рассказывал про гибель этого Бати?

Владимир Александрович смутился:

– Ну, может, было... Но не особо!

– А я разве не советовал воздержаться? – Евгений Наумович снова был прежним – надежным и мудрым – старшим товарищем, почти наставником. – Язык твой...

– Враг мой, я знаю. – Виноградов почему-то почувствовал облегчение.

– Питер наш – город маленький, информация разносится со скоростью звука, даже быстрее. Второй вопрос?

Владимир Александрович поднял глаза на хозяина и решил, что анализом собственного трепана и самобичеванием займется позже, на досуге.

– Кто заказчик?

– А какая, в сущности, разница?

– Не, Наумыч... Это ведь не вам нужно?

– Не мне.

– Согласитесь, одно дело – взаимное доверие, а другое... Я уже как-то работал на бандитов, больше не желаю.

– Хорошо... Допустим – так! – Очевидно, версия у Евгения Наумовича имелась. Такая, что не затронет самолюбия Виноградова и позволит ему чувствовать себя борцом за благое дело. – Этот самый Батенин – он был застрахован. На очень – очень! – крупную сумму. Я видел копию страхового полиса... Он действует только на территории России.

Хозяин отметил молчанием паузу, достаточную для того, чтобы Владимир Александрович сам сделал вывод.

– То есть если Батенин погиб на Кипре – хрен с маслом!

– Абсолютно!

– А если я его убил там, в горах...

– То его вдова станет очень состоятельной женщиной.

– Интере-есно... Она заказчик?

– Допустим.

– Во, блин! Убийца мужа на деньги жены доказывает, что это именно он оставил ее вдовой с сироткой на руках? А одного моего свидетельства недостаточно?

– Ну, пока не опровергнута версия с Кипром...

– Логично. – Ситуация уже перестала пугать неясностью, слушать Наумыча становилось все забавнее.

Если бы речь еще не шла о собственной шкуре...

Владимир Александрович поморщился:

– Честно говоря, не убеждает.

Хозяин кивнул почти одобрительно:

– Видишь ли, я заказчи... ку сразу попытался объяснить, что без мотива ничего не получится. А у тебя его нет, так?

– В каком смысле?

– Ну-у-у! Что может заставить майора милиции Виноградова бросить дом, семью, заслуженный отдых – и ввязаться в сомнительную авантюру? – Евгений Наумович поднял вверх указательный палец и тут же согнул его наподобие вопросительного знака: – Что вообще заставляет людей делать подобные глупости?

Не дожидаясь ответной реплики, он продолжил:

– Таких причин – поверь, Володя, – всего три: страх, жадность, тщеславие!

Нечто подобное, почти слово в слово, Виноградов слышал не так уж давно от их общего знакомого, поэтому усомнился:

– А насчет этого... либидо? В смысле насчет баб?

– Похоть, Володя, это всего-навсего производная от первых трех. Подумай, и ты со мной согласишься!

– Наумыч, есть еще патриотизм, чувство справедливости...

– Я не оперирую абстрактными понятиями. Вообще, математические действия с положительными величинами меня никогда не увлекали. Так вот... Пугать тебя нет никакого резона, покупать – вряд ли. Честолюбие? Нет, не тот случай.

– Вы меня прямо в краску вгоняете!

– Ерунда... Словом, я им сразу сказал, что ты не согласишься.

– Скорее всего. – Виноградов посмотрел на часы и решил, что успеет еще заскочить в Гостиный.

– Завидую, – неожиданно вздохнул хозяин.

– Чему это, Евгений Наумович?

– Море, пляж, вино... Все купаются...

– Где – купаются? – напрягся Виноградов.

– Как – где? На Кипре! Плавки не забудь.

– Так вы же сами сказали, что я не...

– Володя... Могу я ошибиться на старости лет? – Хозяин встал и уже на выходе, в дверях, придержал в руке протянутую для пожатия ладонь Владимира Александровича: – Крем от загара здесь не покупай! Там дешевле.

...Можно было дойти до метро пешком, но без зонтика шлепать по лужам и сырости никакого желания не возникло. Виноградов нырнул под жестяной козырек трамвайной остановки и решил подождать.

Будка, в которую набился в ожидании транспорта народ, была старого образца, давно не крашенная, грязноватая, под стать окружающим доходным домам дореволюционной постройки. Но большая – места хватило всем. Владимир Александрович по привычке и отчасти в виду замкнутости пространства прислушался к разговорам окружающих. В основном это были женщины – возраста среднего и постарше, усталые уже в середине дня, с кошелками, сумками, пакетами и соответствующей тематикой негромких бесед. Одинокая девица в турецкой коже, перехватив неосторожный взгляд Виноградова, механически поправила шарфик... Капитан космических войск – румяный, отглаженный, – очевидно, преподавал какую-нибудь умную дисциплину в академии, а двое потертого вида инженеров с воодушевлением, но без мата, обсуждали задержку зарплаты за май и возмутительные козни некоего Розенгольца, сдавшего половину НИИ в аренду коммерческим структурам и не желающего делиться с трудовым коллективом.

Владимир Александрович попытался представить себя на их месте – да, скучновато! Да, одно и то же из месяца в месяц, из года в год: дом, работа, дача... Незаметно растущие дети, жена, привычная до зубной боли, дураки начальники. Страсти – только перед телевизором, в теплых тапочках... Зато?

Зато – все ребра целы, и ни одной дырки в шкуре! Профсоюзный подарок к пенсии и далекая тихая смерть на девятом десятке. Как это пелось? «Решайте сами, решайте сами...»

Люди вокруг зашевелились – показался трамвай. Вслед за потоком Виноградов шагнул на мостовую:

– Простите, он к метро идет?

– Нет, раньше поворачивает, на набережную.

– Спасибо! – Майор про себя чертыхнулся и пошел обратно к тротуару, где оставались те, кому этот маршрут не подходил.

– А-а-а! А-х-х... хак!

Сначала Владимир Александрович услышал крик, но лишь потом пронзительный скрежет металла и несколько одновременно тупых ударов за спиной.

– Мама родная...

Прежде чем обернуться, он увидел застывшие лица людей на тротуаре: какого-то старика, офицера... И было от чего!

Трамвай стоял, распахнув темнеющие провалы дверей, – почти у самой кабины, как след от снаряда в линкорной броне, выделялась надорванными краями огромная вмятина. Отброшенный ударом грузовик развернулся почти поперек проезжей части, а пространство за ним и вокруг него было заполнено страшно неподвижными телами.

Несколько мгновений не шевелились и те, на чьих глазах произошла трагедия, – пассажиры трамвая, прилипшие к окнам, люди на тротуаре... Потом кто-то кинулся к пострадавшим, кто-то, нырнув в телефонную будку, накручивая нужные номера, кто-то тянул на себя дверцу кабины... Капитана космических войск вытошнило. Суматошные крики и ругань сменились командами случайных медиков, а Владимир Александрович уже вглядывался в белое от страха лицо водителя:

– Пьяный, сука?

– Нет! – И это было, судя по всему, правдой. Парню успели разбить лицо, и теперь он пытался утереть рукавом вытекающую из носа кровь. – Тормоза...

– Чего?

– Тормоза! Мокрая дорога... Мокрая-я! – Он был еще в шоке, способном в любую секунду смениться истерикой.

– Ну-ка, граждане! Ну-ка! – Виноградова оттеснил старшина-гаишник. – Так... Документы? Второй милиционер уже записывал данные свидетелей.

В «скорую помощь» грузили тех, кого еще можно было спасти, – девчонку в кожаной куртке и седую пенсионерку с черным месивом вместо лица. Трое – оба инженера и еще одна женщина с сумкой – в помощи уже не нуждались. То, что от них осталось, прикрыли материей и пока не трогали.

Вот так – решайте сами, решайте сами...

Еще не добравшись до дома, Виноградов знал, что завтра позвонит Евгению Наумовичу.

И вовсе не для того, чтобы отказаться.

Глава третья

Дышите глубже – это даром. За все остальное вы будете платить, и еще не ясно, насколько понравится вам ваша будущая покупка.

Е. Зубарев

Милицейская академия

Первое отчетливое ощущение Владимира Александровича на Кипре – это ощущение зябкой прохлады, этакого простудного сквозняка. Сонный, разморенный четырехчасовым перелетом, он почти сразу же очутился в огромном, залитом белым пронзительным светом досмотровом зале аэропорта. На полную мощь, но практически бесшумно гоняли воздух кондиционеры, доводя температуру до приемлемых градусов, отчего и казалось настроенным на тропическую жару пассажирам, что вовсе и не так страшен черт, как его малюют... Одна мамаша даже вытянула из пакета упрятанную туда еще в самолете вязаную кофточку и заставила крохотную девчущку одеться.

– Во, народ! Еще хуже, чем наши, – выругался вставший сразу же за Виноградовым мужчина – пузатый, с огромной золотой цепью «Кайзер» на шее.

– А, везде одно и то же, – с видом бывалого странника согласился Владимир Александрович, – Бардак...

– Не скажите! Немцы бы, к примеру, никогда такого не допустили. Там порядок – будьте нате...

Действительно, две огромные очереди выстроились от кабинок иммиграционной службы до самого выхода на летное поле. Не то чтобы они совсем не двигались, но оба инспектора выполняли свою работу с такой равнодушной неторопливостью, с таким неторопливым равнодушием, что казалось, простоять здесь придется не меньше часа.

– Нет чтобы еще пару человек посадить! – Пузатый показал на пустующий ряд пронумерованных кабинок.

– Вы торопитесь?

– Нет, но...

– А к этому что – нельзя? – поинтересовалась дородная тетечка рыночного вида.

– Там только для тех, кто с европаспортами, – развеял иллюзии соотечественницы насчет сидящего под соответствующей табличкой киприота в форме паренек с плеером. Инспектор, о котором шла речь, скучал в одиночестве – рейс был чартерный, прямо из Питера, и ни граждан Европейского Сообщества, ни даже дипломатов не наблюдалось.

– Мог бы, наверное, подключиться...

– Ага, как же! Очень ему надо из-за русских задницу отрывать, – опять возмутился пузатый. Судя по носу, он был не совсем чтобы уж очень русским, но...

– Зря вы так! Здесь к нам очень даже неплохо относятся.

– А вы не первый раз?

– Второй, – улыбнулась вступившаяся за местное население блондинка в очках.

– Простите, а за визу платить надо?

– Нет, сейчас прямо поставят – и все!

– Вы знаете, я еще хотела спросить...

Удивительно, но уже минут через двадцать Владимир Александрович протягивал свой паспорт для регистрации.

– Плиз! – Инспектор неторопливо поднял на Виноградова смуглое и довольно симпатичное лицо, подождал чуть-чуть, а затем очертил в воздухе нечто напоминающее прямоугольник.

– Что, простите?

– Анкету ему дайте, – подал голос парень в наушниках.

– А-а! Конечно, – Владимир Александрович протянул забытую среди разных второстепенных бумажек анкету, которую все заполнили еще в полете.

Не глядя, киприот сунул полученный бланк в общую кучу, а сам тем временем взял вложенную в паспорт вывозную таможенную декларацию Виноградова. Сумма, которую имел при себе турист, была сочтена инспектором вполне достаточной.

– Тикетс?

Владимир Александрович продемонстрировал обратный билет на самолет, после чего, получив штампик в паспорте, перетащил свой багаж на территорию Кипра.

Миновав последовательно полицейского с не очень новым автоматом и сонной физиономией, «зеленый» таможенный коридор и толпу туристических агентов, увешанных табличками с названиями фирм и отелей, Виноградов поменял на фунты полсотни долларов. Курс был, само собой, грабительский, но чужую валюту здесь брали не везде и, как слышал Владимир Александрович от знакомых, без особой охоты.

– Такси?

Сразу за стеклянными дверями аэропорта начиналась огромная, увенчанная куполом звездного неба... парилка. Влажный, горячий воздух окатывал каждого выходящего с головы до ног, проникая до глубины беззащитного обмякшего тела. Запахи – пряностей, моря и – странно! – березовых веников ощущались как нечто материальное, имеющее вес и объем.

Владимир Александрович замер на мгновение, привыкая к обрушившемуся на него шквалу ощущений.

– Такси? – повторили над ухом.

Законы «отстоя», наверное, незыблемы – они не зависят от климата, языка, политической системы. Точно так же сейчас где-нибудь в Пулкове-2 или заснеженном Усть-Илимске толпится в ожидании клиентов могучая стая «извозчиков», ревностно оберегая свою территорию от посторонних и следя, чтобы очередь на выгодную работу продвигалась честно.

В этот раз повезло неопрятному толстяку в расстегнутой до пупа рубашке – его собратья по водительскому цеху дисциплинированно держались в сторонке. Следующий за толстяком таксист уже отделился от них и высматривал на выходе очередного пассажира-иностранца.

– Пафос? Лимассол?

– Ноу! Ларнака.

Толстяк не расстроился – конечно, поездка отсюда в другие города на побережье выгоднее, но и в самой Ларнаке можно заработать.

– Отель? Йес? – Он уже завладел виноградовской сумкой и вертел головой в ожидании, пока Владимир Александрович не растолковал, что приехал один и без лишнего багажа.

– Рашен? – поинтересовался толстяк, направляясь к расположенному неподалеку паркингу.

Виноградов кивнул – сам он лично ничего плохого в этом не видел, а таксисту по большому счету было все равно.

Машина оказалась хоть старенький, но «мерседес». Владимир Александрович автоматически обошел ее справа, но, натолкнувшись на радостный хохот привычного к этому аттракциону таксиста, сообразил, что лезет за руль: он не то чтобы не знал, но как-то не вовремя забыл, что на острове, бывшей британской колонии, левостороннее движение.

Оставалось только дожидаться, пока толстяк захлопнет багажник и откроет пассажиру дверцу...

По местному времени близилась полночь, и духота отступила – а может быть, просто Виноградов, привыкший к еженедельным походам в динамовскую баню, понемногу адаптировался. Водитель что-то спросил на ломаном английском, и Владимир Александрович извлек из кармана открытку с рекламой. Услышав цену, он поначалу крикнул – это оказалось раза в полтора дороже, чем обещали в туристическом бюро, – но потом сообразил, что платит не из своего кармана, и кивнул.

Стоило, наверное, поторговаться, но за закрытыми окнами таксомотора уже мелькала экзотика: кипарисы, пальмы, подсвеченные прожекторами развалины древних строений и бесконечная череда неповторяющихся харчевен, кафе, ресторанчиков... Виноградов расслабился и стал получать удовольствие.

Добирались недолго, на удивление.

– Плиз! – Толстяк развернулся напротив многоэтажной «Принцессы», отеля, освоенного русскими туристами в числе первых, и направил машину в укромную улочку. Эта улочка, скорее даже не улочка, а переулок, сплошь состояла из миниатюрных, довольно красивых, но слишком похожих один на один коттеджей.

– «Эва-Крист апартаменте»!

Судя по транспаранту над входом в ближайший из домиков, это действительно были так называемые апартаменты. Эва, хозяйка их, сдавала туристам, не склонным терпеть гостиничный сервис и скученность, одно-, двух- и трехкомнатные квартирки в отдельно стоящих коттеджах. Это выходило несколько дороже, но удовольствие иметь собственный крохотный дворик с террасой и не просматриваемый прислужгой вход того стоило.

– Хэллоу! – К принимавшему от водителя свою сумку Виноградову уже семенила крепенькая, даже в темноте заметно загорелая женщина – уже не молодая, но и не старуха. Совсем по-деревенски она протянула Владимиру Александровичу ладошку лодочкой:

– Эва! Мис-тер Виноградов?

Они поздоровались, улыбнулись друг другу и заговорили по-английски, демонстрируя примерно одинаково средний уровень владения этим языком межнационального общения. Впрочем, словарного запаса пока хватало, а насчет грамматики можно было не тревожиться.

Зарезервированные для Виноградова еще из Питера по телефону апартаменты оказались в ближайшем коттедже. Эва толкнула не запертую по местной традиции дверь с медной цифрой «2», и гость оказался в уютно обставленной, безупречно чистой двухкомнатной квартирке. Здесь было все, что надо, – от микроволновой печи и кондиционера до видеодвойки тайваньского производства. Впечатляла кровать – обширная, аккуратно застеленная фиолетовыми простынями. Хозяйка продемонстрировала, где что включается, распахнула дверцы стенного шкафа и даже для ясности спустила воду в унитазе. Убедившись, что постоялец попался не дикий, понятливый, она вручила Виноградову ключ и ушла, не попрощавшись.

Владимир Александрович пожал плечами – может, здесь так принято? Вынул из сумки необходимое, повозился, осваивая управление кондиционером, включил душ...

В окно деликатно, но требовательно постучали.

– Йес? – Собственно, он никого не ожидал.

– Сорри! – Это оказалась опять Эва, точнее – ее рука с полиэтиленовым пакетом, показавшаяся в отошедшую на полозьях стеклянную ставню.

Гость подхватил передачу и заглянул внутрь: банка пива из холодильника, зелень в шуршащем целлофане, половина оттаявшей пиццы. Запоздало высунувшись, чтобы поблагодарить, он разглядел только исчезающий за кустами силуэт Эвы.

Ужин был как нельзя кстати, вне зависимости от цены, решил Виноградов – только наутро узнав, что платить ничего не требовалось. Просто добрая женщина Эва придержива-

лась принципа: бизнес бизнесом, но гость не должен ложиться спать голодным! Традиции семейного пансиона...

Но об этом Владимир Александрович узнал потом, а сейчас он помылся, поужинал и выключил свет. Прежде чем рухнуть в кровать – проверил защелки на окнах и на два оборота запер дверь.

* * *

Собственно, никакого особого плана действий у Виноградова не было. Он так и сказал тогда, в конторе у Евгения Наумовича, ушастому хлопцу, представителю заказчика.

Кроме оттопыренных ушей и добротного финского костюма-тройки, собеседник обладал неожиданно густым басом:

– Но вы согласны?

– Да... не знаю вашего имени-отчества.

– Неважно! – отмахнулся ушастый. – Условия вас устраивают? Что-нибудь не ясно?

Виноградов покосился на дверь, за которой скрылся хозяин:

– Почему именно я?

– Видите ли... – Собеседник оказался готов к ответу. – Видите ли, у вас есть уже вполне конкретное, предвзятое, я бы сказал, мнение об исследуемом предмете.

– Это хорошо?

– В нашем случае – да, безусловно! Вы будете постоянно, почти независимо от желания, выискивать детали, которые другой просто не заметил бы. Детали, факты, намеки на факты, которые подтвердят, что там, в горах, вы не обознались – и что с головой у вас все в порядке.

– А может, я ошибался – там?

– Вряд ли! Надеюсь, что нет.

– Располагаете информацией?

– Да, определенной... Но вам пока ее знать не обязательно – чтобы свежесть, так сказать, картинки не утратить.

– Вы усложняете мне задачу!

– Мы неплохо платим, – парировал ушастый.

Спорить с этим было неразумно:

– Деньги – не главное. Репутация дороже...

– Кто же спорит? Поверьте, вас не упрекнут в любом случае. Если бы мы сомневались в порядочности и добросовестности майора Виноградова, мы поискали бы другие пути.

– Приятно слышать. Я могу побеседовать с вдовой?

– Увы! – Кажется, собеседник не врал. – Ее нет сейчас в городе... Возьмите вот это.

Владимир Александрович взвесил на ладони желтый, распухший от содержимого конверт, по размерам не уступавший машинописному листу:

– Что здесь?

– Билеты, деньги... Кое-что из бумаг насчет пребывания господина Батенина на Кипре. По сути все, что касается официальной версии.

– Хорошо! – шелкнул Виноградов замками дипломата. – Но не исключено, что мне понадобится кое-что уточнить. Как мы свяжемся?

Ушастый, однако, тоже был профессионалом:

– Через Евгения Наумовича. У вас ведь есть все его телефоны?

– Я могу передавать через него информацию?

– Нет, не стоит – Евгений Наумович просто оказал любезность, познакомил нас... Он знает, как и где меня разыскать! Зачем забивать человеку голову?

– Если со мной что-то случится?..

– О семье позаботятся! – Ушастый встал, показывая, что беседа подходит к концу. – Желаю удачи! Возвращайтесь скорее, мы ждем.

...И теперь, не спеша потягиваясь на смятых за ночь простынях, Владимир Александрович решил плясать, что называется, от печки. Впрочем, та печка, на которую стоило ориентироваться, находилась, судя по всему, не здесь, а в Покинутом вчера дождливым Петербурге.

Желтый конверт не содержал в себе даже намека на ответ: с чего это вдруг «бизнесмен» и глава «ветеранов» Батенин посреди года решил отойти от дел и погреться на солнышке? Однако вопреки предположению Владимира Александровича и сам Следков, к еще один давний виноградовский «контакт» в ассоциации нисколько поступку соратника не удивлялись – «система» работала, стабильно принося доход, серьезных конфликтов давно уже не возникало, и Батя последние месяцы жаловался, что становится скучновато. Хотел развеяться... Несколько удивил выбор места отдыха – обычно «братва» снимала напряжение где-нибудь в секс-шоу Бангкока или в европейских казино, а Кипр скорее пользовался репутацией острова семейного, не богатого экзотическими страстями. Но, в конце концов, ни в душу, ни в кошелек товарища заглядывать в среде серьезных людей не принято.

Тем более что, по мнению девушки Марины из туристического агентства, осенью на Средиземном море еще даже лучше, чем в разгар сезона:

– Жара спадает... а цены – просто смешные!

Среди документов, полученных Виноградовым от ушастого, была и копия счета на фирменном бланке со стилизованным глобусом и надписью «ИНТЕРМИР». Владимир Александрович позвонил по указанному в уголке телефону и уже через несколько часов после расставания с заказчиком попивал кофе в небольшом, но красиво обставленном офисе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.